

АРТУР МАТАРЯН

КРИОН

**ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ,
СПОСОБНОЙ ПЕРЕПИСАТЬ РЕАЛЬНОСТЬ
И СТРОИТЬ МИРЫ**

Артур Матарян
**Крион. История о великой
любви, способной переписать
реальность и строить миры**

<https://litres.ru/73575764>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под одеждами научной-фантастики и философской антиутопии скрывается обнаженная история великой любви — любви, в которой ни разу не звучит «я тебя люблю». Любви, которая не требует слов, потому что сама есть язык Вселенной.

Это история, где доказательством чувства становятся не признания, а великие дела — преодоление вечного сна, холода души и тела, триллионов километров мёртвой пустоты.

Это история любви, которая настолько тиха, что именно этим потрясает основание мироздания.

Это не история двух людей — это история самой формы связи, способной удерживать бытие от распада.

История о том, что любовь — это не эмоция, а фундаментальный закон: единственная сила, через которую сознание может победить время, пространство и смерть.

И это история о том, как маленький мальчик полетел на ракете за маленькой девочкой.

Содержание

Об авторе	5
Пролог	9
Часть первая. «Сны Криона»	28
Глава «утро»	28
Глава «сердце Криона»	33
Глава «День Нового Цикла»	41
Глава «утрата»	56
Глава «спасительная встреча»	68
Глава «пещера правды»	78
Глава «цена правды»	88
Глава «план действий»	96
Глава «посвящение в тайну»	109
Глава «вечный покой»	116
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Крион. История о великой любви, способной переписать реальность и строить миры

*Я писал эту книгу так, будто сам в
ней жил. Несколько месяцев я
просыпался и засыпал под гул
реактора «Лона». Видел ледяные
своды ярче, чем потолок
собственной комнаты. Слышал, как
Ева тихо напевает старую земную
мелодию. Чувствовал панический
холод Армана, когда он держался на
крае пропасти. Это было не просто
творчество. Это была другая жизнь.*
Артур Матарян

Об авторе

По образованию я физик. Физик в Крионе отвечал за достоверность чуда. Квантовая суперпозиция, многомировая интерпретация, природа криосна, работа реактора – для меня было важно, чтобы даже самая фантастическая идея име-

ла корни в реальной науке. Я не хотел, чтобы читатель чувствовал: «это просто сказка». Я хотел, чтобы он думал: «а вдруг это возможно?» И идея о том, что любовь может оказаться фундаментальнее гравитации и энтропии, – это не метафора. Это гипотеза. Возможно, самая смелая в жизни.

Системный архитектор строил мир. «Лоно» – это система. Касты, мифология, легенда, поддерживающая стабильность. Всё должно было работать как часы – и одновременно давать трещину, когда в систему проникает вирус правды. Кассиан – идеальный «системный администратор». Арман – идеальный «вирус». Их противостояние и их примирение – это история о том, как даже самая совершенная система должна однажды открыться.

А ещё – астроном-любитель. Для меня ночное небо – не просто картинка. Это карта, по которой можно читать историю вселенной. Гайя с её двойным солнцем, двести лет полёта сквозь пустоту, Мечтой, к которой можно идти всю жизнь. И, может быть, дойти.

Музыкант-композитор. Для меня звук – это такая же реальность, как камень или лёд. Только он проникает глубже. Вибрации, ритмы, тишина между нотами – в них иногда открывается то, что не выразить словами. Саундтрек звучит между строк. Ритм повествования, его темп, его паузы, его крещендо – всё это музыкальная структура. И композиция, которую Ева включает Арману, «Arthur Pralaya – Now I Can Touch The Stars!» – действительно существует. Она написа-

на задолго до романа, не зная, что однажды станет частью истории. Просто чувствовал: так звучат звёзды, до которых можно дотронуться.

И романтик. В мире, где цинизм стал нормой, а «верить» считается наивным, я всё ещё убеждён: есть вещи важнее расчёта, выгоды и здравого смысла. Любовь – главная из них. Романтик отвечал за главное – за сердце. Без него все физик, архитектор и музыкант были бы бесполезны. Без этого мир оставался бы лишь конструкцией.

Почему эта книга написана

Потому что она родилась сама. В мире, где всё продаётся и покупается, где любовь объясняют гормонами, а верность – отсутствием выбора, мне не хватало воздуха. Воздуха большой истории. Настоящей. Такой, после которой хочется жить, верить и любить – даже если вокруг лёд, даже если правда убивает, даже если будущего нет.

Я написал «Крион» для себя – чтобы не задохнуться. А потом понял: возможно, я не один такой. Возможно, есть другие, кто тоже задыхается. Для них – для вас – эта книга.

Как читать «Крион»

Не торопитесь. Эта книга не гонка, а путешествие. Позвольте себе побыть в «Лоне», почувствовать его холод, его тишину, его ритм. А после финала – закройте книгу и посидите в тишине. Дайте себе время. Потому что финал – это не точка. Это многоточие.

Благодарность

Спасибо Арману и Еве. За то, что были со мной всё это время. За то, что научили меня тому, чему не учат ни в одном университете: что значит выбирать – до конца.

Спасибо вам, читатель. За то, что держите эту книгу в руках. За то, что доверились мне и вошли в этот мир. Надеюсь, вы найдёте в нём то, что искали. Или то, о чём даже не догадывались, что ищете.

P.S. Если когда-нибудь увидите в ночном небе две звезды, стоящие особенно близко, – возможно, это не просто звезды. Возможно, это две капсулы в свете Ледяного Кристалла. И они вместе.

Несмотря на время. Несмотря на пространство. Несмотря на всё.

Артур Матарян (Хранитель Памяти Криона)

Пролог

2054 год. Нью-Йорк.

Студия «Звёздного часа» – крупнейшее научно-популярное шоу планеты. Прямой эфир. Средняя аудитория: 2.2 миллиарда зрителей.

Свет. Его было так много, что он казался физической субстанцией – плотной, тёплой, слепящей. Он лился из софитов, отражался от глянцевого стола-полусферы, играл в хрустальных бокалах с водой и скользил по полированным поверхностям датчиков, расставленных перед гостями.

Прямой эфир готовился, зрители в студии усаживались на места. Гигантская стена из жидких кристаллов, высотой в пять этажей, занимала всю заднюю часть павильона. И на ней сейчас, в полной темноте, разворачивалось будущее.

Диктор – голос, который знала вся планета, – звучал ровно, с толикой пафоса и той особенной, сдержанной гордостью, когда говорят о невозможном, которое вот-вот станет возможным.

Кадры сменяли друг друга в идеальном ритме.

Дата на экране: 2047 год.

Пыль. Тишина обсерватории. Огромный экран, на котором алгоритмы искусственного интеллекта вручную подсвечивают одну-единственную точку в звёздном поле.

Сириус. 8,6 световых лет.

– Гайя, – произносит диктор, и это имя разносится в эфире. – открытая планета земной группы в зоне обитаемости. Масса и радиус – чуть больше земного. Атмосфера – азот, кислород, следы воды.

Три секунды тишины.

– *Она ждёт.*

2053 год.

Лаборатория. Размытые фигуры учёных в синих халатах. Огромная установка, похожая на сердце из стекла и металла. Вспышка – не яркая, почти робкая.

– Эффект Алькубьерре-Янга. Контролируемая деформация пространства-времени в микроскопических масштабах, – голос диктора чуть теплее. – Мы не научились двигаться быстрее света. Но мы научились *просить Вселенную посторониться.*

На экране – симуляция: корабль, окружённый едва заметным голубоватым пузырьком, скользит сквозь звёздное поле. Не быстро. Плавно. Как камень по идеально гладкому льду.

4 процента от скорости света. 198 лет полёта до планеты Гайя.

2054 год. Сейчас.

Чертёж. Не на бумаге – в объёмной голограмме, вращающейся прямо в воздухе студии.

– *Ещё нет имени. Ещё нет команды. Но орбитальная стройка верфи будущего межзвездного судна уже разворачивается. Каркас корабля начнут собирать в ближайшие*

семь лет, в точке Лагранжа L1, на полпути между Землёй и Луной.

Камера берёт крупный план: фермы, соединительные узлы, цилиндрические отсеки.

— Его длина — девятьсот метров. Масса — сто восемьдесят тысяч тонн. Три термоядерных реактора. Автономная экосистема. Генетический банк — четверть миллиона видов. Восемь посадочных модулей. Собственный флот дронов.

Пауза. Тишина в студии становится абсолютной.

— Это не корабль. Это ковчег.

Экипаж.

На экране — лица. Молодые, разные, сменяющие друг друга в быстрой нарезке. Азиаты, европейцы, африканцы, латиноамериканцы. Ближайшие 10 лет будут собираться заявки на отбор для вступления в экипаж строящегося корабля. На данный момент получено полтора миллиона заявок.

— Сто восемьдесят пять человек, — голос диктора впервые чуть дрожит. — Лучшие из лучших. Они уснут на двести лет. Их разбудят у другой звезды.

Экран темнеет. Остаётся только одна надпись, белая на чёрном:

«МЫ ЛЕТИМ НАВСЕГДА... СТРОИТЬ НОВЫЙ МИР»

В студии зажётся свет.

За столом-полусферой, залитые тёплым золотом софитов, сидели двое. Мужчина немногим старше сорока лет, с поседевшей, красиво уложенной бородой. С лицом, высеченным

из гранита, и руками, которые даже в покое казались готовыми чертить схемы в воздухе. И женщина, такого же возраста, высокая, но хрупкая, с остро интеллигентным взглядом из-под пряди пепельных волос. Между ними, на специально подставленном стульчике, сидела девочка. Ева. Четыре года. Платице цвета космической синевы. В руках моделька ракеты – подарок от редактора шоу.

Ведущий, Маркус Вейл, икона научной журналистики, сидел напротив них, и его улыбка была такой же яркой, как свет софитов, но в глазах горел холодный, профессиональный огонь человека, который держит в руках внимание планеты.

– Добрый вечер, Земля! – его голос, поставленный и бархатный, заполнил студию и миллиарды экранов. – Сегодня у нас в студии долгожданные гости. Вы видите перед собой не просто учёных. Вы видите будущее. Точнее, тех, кто это будущее спроектировал. Доктор Алексей Иванович Федоренко – его команда совершила прорыв в управляемом термоядерном синтезе, создав сердце для двигателя, который сможет нести нас к звёздам. А его супруга доктор Ирина Родионовна Федоренко... – он сделал паузу, давая зрителям оценить масштаб, – разработала теорию квантовой стабилизации нейронных паттернов. Проще говоря, она придумала, как усыпить человека на двести лет, не превратив его в овощ. Без них проект «Гайя» был бы красивой сказкой. С ними – он становится чертежом. Нашим чертежом.

На гигантском экране за его спиной замелькали кадры. Орбитальные верфи. Роботы-ассемблеры, похожие на стальных пауков, сплетающие силовые каркасы. Огненные вспышки первых тестовых запусков двигательных модулей. Музыка – эпическая, грандиозная – нарастала, подчиняя себе дыхание.

– И сегодня, – продолжал Маркус, подходя ближе к столу, – мы не просто берём интервью. Мы участвуем в истории. Потому что прямо сейчас, пока мы говорим, пройдет голосование. Голосование за имя. За имя корабля, который через двадцать пять лет отправится к Сириусу. Корабля, который станет домом, колыбелью, ковчегом для ста восьмидесяти пяти лучших из нас.

Он повернулся к камере, и его лицо стало серьёзным, почти торжественным.

– Итак. Четыре основных варианта, утвержденные международной комиссией: «Новый дом», «Прометей», «Ариадна», «Заря». И пятый вариант – ваш. Вы можете предложить своё название, отправив его всего за 10 кредитов. Все средства пойдут в фонд проекта «Гайя». Голосование началось десять минут назад и завершится через... тридцать минут. А пока...

Он развернулся обратно к учёным. Его вопросы были отточенными, глубокими, но не занудными. Он спрашивал изобретателя о принципах устройства реактора, об опасности сбоя в долгом полёте. Тот отвечал чётко, скупно, его паль-

цы иногда произвольно чертили в воздухе формулы.

– Доктор Федоренко, – спросил Маркус, обращаясь к Ирине, – не страшно ли вам – как учёному и как матери – отправлять людей в такой сон? Не потеряем ли мы в нём что-то... человеческое?

Ирина улыбнулась – нежной, чуть грустной улыбкой.

– Сон в капсулах «Криона» – как мы называем нашу систему – это не забвение, Маркус. Это... пауза. Но пауза осознанная. Мозг продолжает работать на квантовом уровне, сохраняя память, личность, даже сновидения. Мы не замораживаем людей. Мы даём им время. Время, чтобы добраться до новой жизни.

Маленькая Ева, до этого момента сосредоточенно изучавшая болтики на своей игрушечной ракете, вдруг подняла голову. Её большие, синие, как два осколка земного неба, глаза уставились на экран, где вновь показали кадры стартующей ракеты – огонь, рев, вибрация.

Маркус, уловив движение, мягко спросил:

– А тебе, солнышко, нравятся ракеты?

Ева кивнула, не отрывая взгляда от экрана.

– Они громкие, – прошептала она так тихо, что микрофон едва уловил.

В студии раздался сдержанный, тёплый смех. Маркус продолжил интервью, но напряжение в эфире уже менялось. Появилась человечность. Хрупкая, четырёхлетняя.

Через двадцать минут Маркус, получив сигнал в мини-на-

ушник, снова обратился к камере.

– Друзья, наше голосование по выбору названия космического корабля, что понесет человечество к планете Гайя – в самом разгаре. Напоминаю варианты: «Новый дом», «Прометей», «Ариадна», «Заря»... и, кроме того, ваши собственные предложения. Да, вы тоже можете предложить свое название. Кто же даст имя эпохе? Мы узнаем это скоро.

И в этот момент, пока он говорил, Ева оторвалась от игрушки. Она посмотрела прямо в ближайшую камеру – не испуганно, а с детской, бездонной серьёзностью – и звонко, на всю студию, выпалила:

– Вибронавтика!

Повисла тишина. Не эфирная – в эфире был её голос. Тишина в студии. Маркус моргнул, его профессиональная маска на секунду сползла, обнажив искреннее недоумение.

– Что, милая? – спросил он, наклоняясь к ней.

– Вибронавтика! – повторила Ева увереннее, тыча пальчиком в экран, где как раз застыл кадр с работающим двигателем – пламя вырывалось из сопла, а сам корпус гигантской машины слегка дрожал от чудовищной мощности. – Смотрите! Они астро... астронавты! – она показала на крошечные фигурки рабочих в скафандрах на фоне фермы. – А двигатели... они же ВИБРИРУЮТ! Вибрируют и летят! Значит, они... вибронавты! Корабль – Вибронавтика!

Её логика была кристально детской, железной и абсолютно безупречной. Со стороны съёмочной группы донёсся сна-

чала сдавленный смешок, затем волна умиленного «ах». Даже строгий Алексей Иванович не удержался и обвёл дочь рукой, прижав к себе, а на его обычно неподвижном лице тронулись уголки губ.

Маркус Вейл рассмеялся открыто, доброжелательно.

– Вот это да! Вибронавтика! Звучит, знаете ли... современно. И очень по-научному! Спасибо тебе, Ева, за идею!

В этот момент в студии «Звёздного часа» в отдельном VIP-кабинете с тонированным стеклом, выходящим в съёмочный павильон, сидел Валлиан Гейтс, в глубоком кожаном кресле, закинув ногу на ногу. Его лицо, привыкшее к залам заседаний советов директоров и страницам деловых журналов, сейчас было расслабленным – насколько это слово вообще применимо к человеку, чей мозг никогда не выключается.

Рядом, в таком же кресле, Линда Безос. Её пальцы мягко обхватывали тонкий фарфор чашки – кофе «Копи Лювак», единственная слабость, которую она себе позволяла в рабочие часы. На её лице, в отличие от мужа, не было аналитической отстранённости. Она смотрела на огромный экран трансляции с неподдельным, почти детским интересом.

Секретарша, бесшумная как тень, поставила перед ними две чашки и исчезла.

«Тебе не кажется, что этот ведущий слишком много жестикулирует?» – Валлиан взял чашку, даже не взглянув на

неё.

– Мне кажется, ты слишком много оцениваешь, – Линда улыбнулась, не отрывая взгляда от экрана. – Посмотри лучше на девочку. Какая чистая энергия.

На экране маленькая Ева вертела в руках игрушечную ракету, разглядывая болтики с сосредоточенностью, доступной только четырёхлетним детям и великим учёным.

Валлиан хмыкнул, сделал глоток кофе.

– Милая. Но в бизнесе чистая энергия редко конвертируется в чистую прибыль.

– Валлиан, милый...

Он знал этот тон. Спокойный, ровный, но с едва уловимым холодком. Он оставил кофе в покое.

В этот момент на экране произошло нечто. Девочка подняла ракету над головой и звонко, на весь павильон, выпалила:

– Вибронавтика!

Линда подалась вперёд, её пальцы сильнее сжали фарфор. На экране Маркус Вейл, явно сбитый с толку, переспрашивал. Девочка объясняла – с той железной, кристальной логикой, которая бывает только у детей и гениев.

В кабинете повисла тишина. Линда тихо, едва слышно, рассмеялась.

– Боже мой. Она права.

– Забавно, – машинально ответил Валлиан, поняв ее тон мысли. – Но... название не пройдет экспертизу. Слишком...

нестандартное.

Но в его голове уже щёлкали счётные косточки. Вибронавтика. Звучит. Запоминается. Производное от «астронавтика» – подсознательная отсылка к преемственности, к истории освоения космоса. Детская непосредственность – это то, что нельзя купить за любые деньги.

Интервью продолжалось. Минут через семь дверь кабинета распахнулась без стука. Вошедший аналитик – юный гений с бейджем «Отдел маркетингового мониторинга» – дышал так, будто пробежал стометровку.

– Сэр. Мэм. Прошу прощения... Вы должны это видеть.

Он развернул планшет и положил его прямо на стол перед Валлианом. На экране пульсировала дашборд-панель голосования. Столбцы плавно росли в реальном времени, как сталагмиты в ускоренной съёмке.

«Новый дом» – 18%

«Прометей» – 22%

«Ариадна» – 19%

«Заря» – 8%

И над ними – взрывной, невероятный, уходящий вертикально вверх столбец:

«Вибронавтика» – 33%

– Это... – Валлиан нахмурился. – Это подозрительно.

– Уже проверили, сэр, – голос аналитика был ровным, но в глазах плясали бесенята. – Чистый трафик. Ботов нет, накрутки нет. И... – он перевернул страницу, – мы фиксиру-

ем подключение дополнительных триста миллионов соединений. Прямо сейчас. За минуты.

Валлиан молчал. Даже его прославленная аналитическая машина, способная в уме перемножать пятизначные числа, на секунду дала сбой.

– Уже четыреста миллионов, сэр, – поправил сам себя аналитик, глянув на обновлённые данные. – Уже четыреста. Но как это возможно, сэр?

Валлиан не ответил. Он постепенно осознал случившееся. Зрители – обычные обыватели, далекие от космонавтики, имен из древнегреческих мифов. Детская непосредственность, необычно подобранное по взрослым меркам слово, помноженные на простое человеческое чувство, сделали то, что перевесило вклад сотен маркетологов.

Он сделал паузу, явно наслаждаясь моментом.

– Реплика этой девочки принесла проекту... – он быстро прикинул в голове, – примерно сорок миллионов долларов. Только за счёт платного голосования. Рекламные контракты, мерчандайзинг, спонсорские интеграции – мы ещё не считали.

В кабинете повисла тишина. Даже шум студии за стеклом словно отдалился, стал ватным, неважным.

И в этой тишине Валлиан почувствовал прикосновение. Тёплая, сухая ладонь Линды легла поверх его руки. Он отвлёкся от планшета – и встретился с её взглядом.

Он забыл, когда в последний раз видел её такой.

Не Линду Безос, генерального продюсера, сооснователя фонда «Будущее сегодня», женщину, чьё расписание было расписано на год вперёд с точностью до получаса. Не ту, кто на равных спорил с руководителями космических агентств и чьи инвестиционные решения копировали биржевые аналитики по всему миру.

Он видел просто Линду.

Сейчас в её глазах стояла лёгкая, прозрачная влажность. Не плакала – нет, Линда не плакала на публике. Но что-то дрожало на краю ресниц.

На экране девочка прыгала на коленях у отца и звонко, беззаботно рассказывала:

– Я когда вырасту – полечу на нём! На Вибронавтике! К звёздам! Я буду биологом и врачом! Буду помогать людям и зверям и растениям на новой планете!

Линда сжала его руку. Её шёпот был тише шелеста кофейного пара.

– Милый... пусть она полетит. Сделай это. Прошу тебя...

Внутри Валлиана Гейтса, где-то глубоко под слоями многолетних привычек к эффективности, рентабельности и стратегическому планированию, кольнуло. Тонко. Остро. Похоже на укол совести, которую он, как и большинство людей его уровня, считал давно атрофированным органом.

Чистое, почти забытое чувство. Не расчёт. Не выгода. Просто... человеческое желание сделать добро. Тёплое, иррациональное, бессмысленное с точки зрения бизнес-модер-

ли.

Оно длилось ровно две секунды. А потом бизнес-модель включилась снова.

Валлиан моргнул – и человеческое лицо, на миг проступившее сквозь маску технократа, исчезло. Остался холодный, прозрачный, кристально чистый расчёт.

Аналитик, словно почувствовав эту смену регистра, склонился ближе и зашептал в ухо – быстро, профессионально, без интонаций:

– Сэр, интернет сходит с ума. Хэштег #Вибронавтика – номер один в глобальных трендах. Упоминаемость проекта выросла на 3400% за десять минут. Медиаметрики зашкаливают – мы пробили все прогнозы по этому кварталу.

Валлиан кивнул. Его лицо снова стало привычным – спокойным, оценивающим, слегка отстранённым.

– Редактора ко мне. Быстро.

Аманда, главный редактор шоу, возникла на пороге через двадцать секунд – словно материализовалась из воздуха. В её руках дрожал блокнот, но голос был профессионально ровным.

– Да, мистер Гейтс.

– Аманда. Свяжитесь с Маркусом. Прямо в эфире. Пусть скажет девочке... – он сделал паузу, дозируя вес каждого слова, – что она летит.

Ручка выпала из пальцев Аманды и с сухим стуком покатилась по полированному дереву стола.

– Сэр... вы... серьёзно?

Валлиан посмотрел на неё. Не повышая голоса, не меняя выражения лица. Просто посмотрел. Этого было достаточно.

Аманда сглотнула, наклонилась, подняла ручку – и через мгновение её голос, уже собранный, уверенный, зазвучал в микрофон, связываясь с ведущим.

Валлиан проводил её взглядом, потом перевёл его обратно на планшет, где продолжали расти цифры.

500 миллионов. 520. 540.

— Двадцать пять лет, – думал он, делая глоток остывшего кофе. – Бесконечность для детской мечты. Она может забыть сразу после окончания съёмок. Передумать. Не пройти отбор по состоянию здоровья. Выбрать другую профессию. Мир может измениться. Проект может закрыться... Но прямо сейчас, в эту секунду, этот светловолосый ангелок сделал наш фонд богаче на... много миллионов долларов. Ну а если вдруг... пусть летит, корабль большой.

Он поставил чашку на стол. Кофе был горьким и холодным. Рядом Линда всё ещё смотрела на экран, где маленькая Ева, сияя, махала рукой в камеру. На её щеке блестел влажный след. Она даже не пыталась его вытереть.

Валлиан перевёл взгляд на экран. На девочку, чьё имя, он был уверен, забудет уже завтра.

На экране планшет показывал стабильный рост: «Вибронавтика» – 37%.

В студии Маркус Вейл уже собирался перевести разговор,

когда его взгляд случайно упал на планшет, который ему тихо протянул ассистент. Он взглянул на экран. И замер. Цвет сбежал с его загорелого лица. Он медленно, очень медленно поднял глаза на камеру, и в них было нечто среднее между шоком и благоговением.

– Друзья... – его голос, всегда такой уверенный, дрогнул. – Мне... мне только что сообщили. Голосование закрыто. И... я не знаю, как это сказать. Я не верю своим глазам.

Он сделал глубокий вдох, словно готовясь прыгнуть в ледяную воду.

– Вариант... вариант «Вибронавтика», который только что предложила ваша девочка... – он снова посмотрел на планшет, будто проверяя, не галлюцинация ли это, – набрал тридцать семь процента голосов. Это абсолютный лидер. Больше, чем любой из четырёх официальных вариантов. Больше, чем все пользовательские предложения, вместе взятые.

В студии воцарилась гробовая тишина, которую через секунду разорвал один-единственный, но тихий возглас оператора из-за камер: «Боже всемогущий!»

Маркус смотрел на Еву, которая, не понимая смысла цифр, но уловив всеобщее внимание, сияла.

– Я... я не знаю, что сказать. Ева... маленькая Ева... ты только что дала имя. Имя, которое войдёт в учебники. Корабль, который полетит к звезде Сириус... будет называться «Вибронавтика».

Алексей и Ирина переглянулись. В их глазах была гордость, изумление и лёгкая паника. Их дочь, четырёхлетний ребёнок, только что в прямом эфире перед миллиардами...

И тут Ева, словно подхваченная всеобщим восторгом, выпалила следующее, снова с той же непоколебимой детской уверенностью:

– Я когда вырасту – полечу на нём! На Вибронавтике! К звёздам!

Эти слова, сказанные звонким, чистым голоском, прозвучали как завершающий аккорд симфонии. В мировой сети, уже взорванной новостью о названии, начался новый виток безумия. Хэштег #Вибронавтика взлетел на первое место. Мемы: «Девочка за 10 секунд придумала имя дороже, чем все маркетологи мира», «Я тоже хочу, чтобы мои детские мечты стоили триллионы».

Маркус, всё ещё находясь под впечатлением, наклонился к Еве.

– Солнышко, а кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Ева задумалась на секунду, потом серьёзно ответила:

– Биологом. И врачом. Чтобы помогать людям и зверям. И растениям.

Через минуту в в наушнике Маркуса раздался новый, срочный сигнал. Он приложил руку к уху, его брови поползли вверх. Лицо стало абсолютно непроницаемым. Он кивнул, что-то пробормотал, потом снова посмотрел в камеру, и теперь в его глазах была уже не просто сенсация, а история.

– Доктор Федоренко, – обратился он к Ирине, и его голос приобрёл металлический оттенок официального объявления. – Только что... поступило сообщение от руководства проекта «Гайя»».

Он сделал драматическую паузу, дав всем осознать вес следующих слов.

– Они просят передать вам и вашей дочери. Если Ева действительно выучится на биолога, на врача... место в миссии «Гайя» на корабле «Вибронавтика» будет зарезервировано за ней. Это не шутка. Это официальное предложение.

Тишина в студии стала абсолютной. Даже дыхание замерло. Алексей Иванович схватил руку жены. Ирина Родионова прикрыла рот ладонью, её глаза наполнились слезами. А Ева, видя реакцию родителей, спросила:

– Мам, пап, я полечу?

Маркус Вейл, преодолев ком в горле, повернулся к камере. Его лицо было освещено не только софитами, но и отблеском чего-то большего.

– Да, дорогая. Ты полетишь. – Он обвёл взглядом студию, воображаемые миллиарды глаз за камерой. – Мы все только что стали свидетелями не просто трогательного момента. Мы стали свидетелями рождения легенды. Девочка дала имя кораблю. И корабль... призвал её к себе. Двадцать пять лет – не такой уж долгий срок. Увидимся у звёзд, Ева.

Аплодисменты. Они начались в зале студии – сначала робко, потом нарастая, превращаясь в оглушительную, востор-

женную овацию. Пятьдесят тысяч человек вскочили с мест. Это был не просто шум. Это был гул истории, которая творилась на их глазах.

На сцене, под ослепительным светом, маленькая Ева вскочила с стульчика и запрыгала на коленях у отца, смеясь тем беззаботным, звонким смехом, который слышала вся планета. Она махала ручкой в камеры, не понимая масштаба случившегося, но чувствуя всеобщую радость.

Алексей Иванович прижал дочь к груди, и в его глазах, обычно таких строгих, стояли слёзы. Ирина обняла их обоих, и её лицо светилось счастьем и ужасом перед этим невероятным, подаренным судьбой будущим.

В этот момент на гигантском экране за их спинами появилась надпись. Простая, крупная, на тёмном фоне, усыпанном звёздами:

«ВИБРОНАВТИКА» – Утвержденное название корабля проекта «Гайя».

А ниже, меньшим шрифтом: «Назван Евой Федоренко. Старт: 2079 год. Назначение: планета Гайя. Сириус.»

Маркус Вейл стоял в стороне, глядя на эту семью и на эти слова. Он знал, что этот эфир пересмотрят миллиарды раз. Что эта девочка станет символом. Что её имя и имя корабля теперь навсегда сплетутся в одну нить – нить мечты, которая вела человечество к звёздам.

И где-то в глубине космоса, в точке, ещё не существующей в реальности, но уже рождённой в сознании челове-

ства, корабль с именем, придуманным ребёнком, ждал своего часа. Ждал её.

Часть первая. «Сны Криона»

Глава «утро»

2277 год, 21 апреля, пятница. Крион.

Арману снилась земля. Не та Земля, о которой он читал в архивах – зелёная, мокрая, переполненная жизнью. Ему снилась чёрная, тёплая, пахнувшая металлом и озоном земля. Под ногами. И над ней – не ледяной свод их грандиозной пещеры, а она. Девушка. Ева.

Она не говорила. Она смотрела. Её голубые глаза были полны такой тоски, что у него сжималось горло. Потом губы шевельнулись, и сон растворился, оставив в ушах тихий, навязчивый шёпот: «Найди меня». «Иди за мной»

Этот сон был самым частым в его жизни. Девушка с золотистыми волосами, с широкими, добрыми глазами и чистой наивной улыбкой слегка пухлых губ. Еще в далекой юности она начала приходить к нему. Без стука и без приглашения. В его сны. Она стала давно своей в его снах.

Его разбудил не звонок, а вибрация. Глухой, ритмичный гул, идущий сквозь стены, сквозь настил пола, сквозь кости. Сердце Криона билось. Реакторы на нижних ярусах работали на полную мощность, разгоняя турбины, качая тепло по трубам, зажигая синие люминесцентные полосы на потолке

его капсулы.

Арман сел на краю койки, провёл рукой по лицу. На столе мигал терминал: 2277 год, 21 апреля, пятница, 07:47. Начало рабочей смены через 43 минуты. Температура в секторе: -3.2°C . Атмосферное давление: 102.1 кПа. Стабильно.

Стабильно. Всегда стабильно.

Он надел серый комбинезон с синей полосой инженера на плече, застегнул молнию от ключицы до пояса. На завтрак – биохимический белковый коктейль «Витамикс-3» со вкусом, который в каталоге значился как «лесной орех». На что был похож лесной орех, Арман не знал. Консистенция – как у холодной овсяной каши. Пищевая ценность – 450 килокалорий, полный набор аминокислот, витаминный комплекс. Эффективно. Скупое.

Пока он глотал безвкусную массу, сквозь вентиляционную решётку в полу донёсся голос. Чёткий, размеренный, женский. Учительницы. И хор детских – звонких, перебивающих друг друга.

Арман взглянул в пол. Под ним находился Учебный Кластер №7. Его комната висела прямо над классом истории. Особенность плотной планировки жилых секторов. Каждое утро – для него «бесплатный» урок.

Из-под пола донёсся голос учительницы – спокойный, педагогичный:

– ...и когда корабль «Вибронавтика» вышел на орбиту Гайи, капитану Эрику стало ясно: посадка невозможна. Пла-

нета, которую считали новой Землёй, оказалась слишком жаркой для жизни. Солнце Гайи стало горячее, и вулканы нагрели океаны и небо планеты до обжигающего тепла. И тогда капитан Эрик принял самое трудное решение.

В классе повисла тишина. Даже Арман замер с ложкой у рта.

– Он перенаправил корабль, – торжественно продолжал учитель. – Развернул «Вибронавтику». И повёл нас сюда. К нашему пристанищу. К ледяному гиганту на краю системы. К Криону.

– А... а почему здесь? Здесь же холодно, – раздался неуверенный детский голос. Девочка.

– Потому что, Лира, даже ледяной дом всё же лучше жаркой печки, где невозможно выжить, – ответил учитель, смягчившись, почти ласково. – Потому что лёд – это твёрдо. В нём можно выкопать пещеру. И спрятаться от жестокого космоса. Капитан Эрик увидел в этом льду не смерть. Он увидел... домик. Скорлупу, в которой спрятано семечко человечества. И это семечко – это мы.

– Значит, мы как... космические семечки? И наш город – это как росток? – восторженно спросил Самин.

– Именно так, Самин. Мы – росток. Самый упрямый росток во Вселенной. И каждый из вас – его часть. Ваши родители, ваши бабушки и дедушки – все они строили этот росток. А теперь ваша очередь его растить. Не забывайте: над нами – сотня метров льда. А над ним – вакуум, холод и враж-

дебная радиация звезд. Но внутри – у нас есть тепло. И наша история. Она – наш щит.

Арман в своей капсуле отодвинул пустую мензурку от «Витамикса». Он смотрел в пол, будто мог видеть сквозь него эти детские лица, впитывающие красивую, героическую, отполированную до блеска историю.

Он встал, поправил комбинезон. На терминале замигал новый сигнал, и голос Макса Грубера, его коллеги, который по радиэфону доложил: «Инженер Урсул. Теплого утра! Загляни сегодня в G-7. Аномальное энергопотребление в конуре 12-A.»

Аномалия. Ядерный реактор. Его хлеб. Его воздух.

Перед тем как выйти, он взглянул на сейсмический датчик в углу комнаты – маленький экран, показывавший ритмичные, зелёные всплески. «Фоновые вибрации: в норме. Источник: циркуляционные насосы, уровень 4.»

Но Арман знал, что это не просто насосы. Иногда, глубокой ночью, когда город затихал, на экране возникал другой ритм. Слабый, едва уловимый, похожий на чьё-то... сердцебиение. Или на тихий, отчаянный стук из самой толщи льда.

Он выключил свет и вышел в прохладный, голубоватый полумрак общественного коридора, оставляя за спиной голос учительницы, который теперь вёл детей через хроники «Великой Перестройки «Вибронавтики» в их поселение на Крионе».

Начинался новый день.

Глава «сердце Криона»

Входная дверь в жилой сектор отъехала в сторону с тихим шипением пневматики.

Арман шагнул в коридор, и холод тут же обнял его за щиколотки, забрался под штанины комбинезона, пробежал мурашками по спине. Минус десять. В нежилых отсеках остальной части стояла вечная зима. Воздух был сухим, стерильным, с лёгким металлическим привкусом озона – дыхание тысяч машин, перерабатывающих лёд, свет, время.

Он застегнул верхнюю молнию, поправил нашивку на груди. Синяя полоса, стилизованное атомное ядро в перекрестье линий.

Инженер систем реактора. Администратор. Каста Хранителей Огня.

Соседка по блоку, пожилая Марта с нашивкой биотеха-селекционера, возилась с дверным уплотнителем. Увидев Армана она кивнула.

– Теплого утра, Арман.

– Теплого утра, Марта. Давление в вашем секторе в норме? Вчера были скачки.

– А, ерунда. Криогель чуть подтаял на стыке, я уже вызвала криомастеров. – Она улыбнулась морщинистым, добрым лицом. – Ты бы себя берёг, мальчик. Слышала, ты скоро за наш реактор отвечать будешь?

Арман неопределённо качнул головой и пошёл дальше.

Коридор расширился, перетёк в небольшую смотровую площадку, нависающую над главной транспортной артерией «Лоно». Арман остановился на мгновение – как всегда оставался, сколько себя помнил, – и посмотрел вниз.

Пещера. Слово было слишком маленьким. Слишком плоским.

«Лоно» простиралось под ним, уходя в сизую, подсвеченную голубыми огнями глубину на три километра. Три тысячи метров пустоты, вырезанной не людьми – самой планетой, миллиарды лет назад, когда расплавленное ядро Криона дёрнулось в последней судороге и застыло, оставив эту гигантскую, ребристую полость. Люди лишь нашли её. И назвали правильно.

Форма была не геометрической – органической, пульсирующей. Стены пещеры не опускались отвесно, а плавно изгибались, сужались книзу, напоминая внутренности гигантского зверя. Отсюда, с верхнего яруса, Арман видел всю эту ледяную утробу целиком: бело-голубой кокон, прошитый по краям тёмными прожилками древних минералов и яркими, рукотворными огнями.

Огни горели везде. Они свисали гроздьями с купола – тяжёлые светодиодные панели на тросах, словно звёзды, которых никто здесь никогда не видел. Они опоясывали стены спиралями – транспортные магистрали, по которым ползли, как светляки, кабины гидравлических платформ. Они горе-

ли в нишах, вырезанных во льду, — там, где в толщу стены были встроены жилые блоки, мастерские, склады, лаборатории. Каждый огонёк — чья-то жизнь. Чья-то работа. Чья-то смена.

Десять тысяч человек. Целая маленькая цивилизация, спрятанная в ледяной утробе чужой планеты.

Арман оторвал взгляд от бездны и шагнул на платформу. Он взялся за холодный металл поручня перила. Гидравлика вздохнула, приняла его вес. Маленькое движение управляющим рычагом и металлический пол под ногами дрогнул, и платформа плавно, почти невесомо, начала скользить вниз.

Восемь минут. Почти километр пути вниз под углом в 45 градусов.

Сначала он слышал только гул собственной крови в ушах и ритмичный стук гидроцилиндров. Потом, по мере спуска, тишина наполнялась голосами пещеры.

Справа, метрах в пятидесяти, пронеслась встречная платформа, гружённая контейнерами с переработанным льдом. Криомастера в серых комбинезонах, с нашивками «Транспорт», приветственно махнули ему — он ответил коротким жестом. Теплого утра. Теплой смены.

Лед. Точнее криолед. Он был главным строительным материалом цивилизации Криона. Его аккуратно резали лазерным лучом и одновременно с этим тут же покрывали особым покрытием — криогелем, который застывал моментально и прочно фиксировал лёд механически и термически. Из

криольда были мосты, строительные блоки стен, фундамента, уровней, перекладки, платформы, колонны... практически все.

Слева, в нише размером с футбольное поле, раскинулся жилой кластер «Бета-7». Арман видел аккуратные ряды капсул-домов, встроенных в ледяную стену, как пчелиные соты. Между ними вились узкие улочки – не мощёные, а просто вырезанные во льду и камне, и залитые сверху прозрачным криогелем. По ним шли люди. Мать вела за руку ребёнка с ранцем за спиной – школа. Пожилая пара в одинаковых термостюмах, нашивки «Архив» – смена в хранилище памяти. Подросток на самодельных электросанях – лихач, наверняка сын кого-то из Совета Техников.

Дальше, в глубине, начинались технические уровни.

Арман смотрел, как мимо проплывают мастерские ледорезов – оттуда доносился отсвет лазерных резаков, вгрызающихся в новые блоки. Склады сырья – штабеля идеально вырезанных ледяных кирпичей, армированных углеродной нитью. Коллекторы – тёмные провалы в стенах, откуда тянуло гулом вентиляции и запахом машинного масла. Там, в этих коллекторных норах, жили те, кто не вписался в кастовую систему. Технорабочие низшего звена. Утилизаторы. И те, кто просто хотел, чтобы их оставили в покое.

Платформа замедлила ход. Воздух стал теплее. Минус пять, минус три, минус один. Где-то здесь, под днищем платформы, проходили трубы горячего водяного контура, несущие

щие избыточное тепло от реактора в жилые сектора. Арман чувствовал это тепло подошвами ботинок – слабую, едва уловимую вибрацию, пульс гигантского механического сердца.

Арман повернул рычаг остановки. Платформа медленно дернулась назад и плавно остановилась практически на уровне платформы. Он сошёл на уровень.

Реакторный пояс. Здесь не было льда. Точнее, лёд был – но спрятанный за метровой толщины панелями из криокора, армированного углеродным волокном. Стены здесь были не бело-голубыми, а матово-серыми, покрытыми сложной вязью кабелей, трубопроводов и контрольных датчиков. Воздух пах озоном, горячим металлом и чем-то ещё – глубоким, земным, древним. Ураном.

Арман прошёл через входные ворота, приложив нашивку к считывателю. Зелёный свет. Доступ разрешён.

За шлюзом начинался главный зал управления. Это было сердце в самом буквальном смысле. Огромное, полусферическое помещение, залитое янтарно-жёлтым светом аварийных панелей и холодным голубым сиянием мониторов. В центре, под прозрачным колпаком из бронестекла, пульсировала голограмма – трёхмерная модель реактора, тысячи пересекающихся линий, потоков энергии, температурных полей. Она дышала. Медленно, ритмично, как живой организм.

За центральной консолью, сгорбившись над терминалом,

сидел Кантор. Главный инженер реактора.

Ему было под семьдесят, но руки его – узловатые, с вьевшимся в поры графитом – двигались с ювелирной точностью хирурга. Он не обернулся на звук шагов, только кивнул куда-то в сторону экрана.

– Опережение по четвёртому контуру на три градуса. Топливный блок чуть капризничает с утра. Я сбросил нагрузку на демпферы.

– Теплого утра, сэр, – сказал Арман, подходя ближе, – Я посмотрю.

– Ты посмотришь. – Кантор наконец повернулся. Его лицо, изрезанное морщинами, было спокойным, но глаза смотрели цепко, оценивающе. – Ты теперь за это отвечаешь, мальчик. Я учу тебя почти восемь циклов.

Арман молча кивнул. Кантор был настоящим отцом реактора. Не в смысле, что построил его. Тот был спроектирован свыше двухсот лет назад, еще на Земле. Затем довезен на Вибронавтике на планету Крион и с огромным трудом спущен на поверхность, собран и запущен в пещерном «Лоне». Кантор чувствовал и знал реактор, как продолжение себя. А иначе и быть не могло, когда ты пол века обслуживаешь столь сложное и столь ответственное устройство.

Иногда, в конце долгой смены, Кантор смотрел на голограмму реактора так, будто видел за ней не ледяную пещеру Криона, а что-то другое. Что-то зелёное. Тёплое. Давно потерянное.

Дверь с другой стороны зала отъехала в сторону, и вошёл Макс Грубер, второй инженер реактора.

Пожилой, слегка грубоватый, с вечно взлохмаченными светлыми волосами и наспех застёгнутым комбинезоном. Нашивка на его плече была такой же, как у Армана, – синяя, с атомным ядром. Но сидела криво.

– Опять четвёртый контур? – спросил Макс, не здороваясь. – Я же говорил, надо менять теплообменник в секторе G-7. Там криогель уже не держит, лёд по швам течёт, изоляция...

– Ты говорил, – перебил Кантор беззлобно. – Меняй. Арман проследит, пусть поучится.

Макс фыркнул, но спорить не стал. Подошёл к соседнему терминалу, нажал несколько кнопок, на экране отобразились схемы.

Арман смотрел на пульсирующую голограмму реактора. Сердце Криона билось ровно, мощно, неустойчиво. Сто миллионов ватт, запёртых в ледяной темнице. Тепло, свет, жизнь – всё отсюда.

Инженер систем реактора. Он думал о своих родителях, дедах, прадедах – семи поколениях, родившихся и умерших в этой пещере. Они строили этот мир. Копали тоннели, чинили реакторы, растили детей. Никто из них не видел неба.

А я? Мысль пришла и ушла, оставив лёгкий, почти незаметный холодок под ложечкой. Арман отогнал её, сосредоточился на цифрах.

– Четвёртый контур, – сказал он. – Сброс на демпферы. Я перекалибрую схему контура к концу смены.

Кантор кивнул, не оборачиваясь. Макс уже возился с панелью управления, бормоча что-то про проклятый криогель и тех, кто проектировал эти теплообменники.

Обычная смена. Обычный день на Крионе. Арман поправил нашивку на груди и шагнул к пульту.

Глава «День Нового Цикла»

Арман проснулся от тишины. Не от гула – от его отсутствия. Реактор работал, вентиляция гудела, гидравлика вздыхала в стенах – всё как всегда. Но в этой привычной симфонии механизмов не хватало одной ноты. Коридоры за стенами его жилого отсека молчали.

Он сел на койке, провёл ладонью по лицу. Экран терминала мигал зелёным: 07:03. Температура на уровне: -9°C Давление: 101.7 кПа.

И дата – 1.794. Цикл 794, День 1.

Календарь на Крионе измерялся не в годах и месяцах, а в циклах. Каждый цикл – 121 день. 10 малых циклов по 12 дней и переходный день.

Сегодня как раз был этот самый переходный день, первый день Нового Цикла. Каждый житель Криона знал этот день и ждал его.

Арман откинул одеяло и встал. Воздух в капсуле был довольно прохладным – он спал при +16, под теплым термоодеялом. Организм всегда помнил, что дом – это холод. Тепло – лишь милость машин, которую они могут отнять в любой миг.

Он надел комбинезон. Не рабочий, серый с синей полосой, а праздничный. Тот же крой, та же ткань, но нашивка на груди была не атомным ядром, а стилизованным изобра-

жением «Лона» и кристалла внутри.

И ниже слоган: «Мы помним. Мы чтим. Мы продолжаем».

Арман застегнул молнию до самого верха и вышел.

«Лоно» просыпалось. Но это было пробуждение особого рода – замедленное, торжественное, словно вся пещера делала глубокий вдох перед долгим выдохом.

Коридоры жилого сектора опустели. Обычно в это время здесь кипела жизнь: криотехники спешили на смену, дети бежали в школу, биотехи тащили пробы в лаборатории. Сегодня – ни души. Двери капсул были закрыты, за многими угадывалось приглушённое свечение – люди завтракали в тишине, готовили праздничную одежду, проверяли, хорошо ли застыл криогель на вчерашних поделках.

Арман спустился на транспортный ярус. Здесь, у огромных панорамных окон, выходящих в центральную полость пещеры, всегда толпился народ. Сегодня толпа была – но иная.

Люди не спешили. Они стояли у окон семьями, держась за руки. Дети прижимались носами к бронестеклу, пытаясь разглядеть что-то в сизой дымке «Лона».

Арман подошёл к окну.

«Лоно» замерло.

Огромная пещера, всегда пульсирующая движением платформ, огней, человеческих фигур, сейчас была почти пуста. Транспортные магистрали безмолвствовали – гидравлические платформы застыли на своих станциях, сложив стрелы,

как уснувшие птицы. Только аварийные огни мерно пульсировали вдоль стен, и в этом ритмичном, синем мигании было что-то от сердцебиения – медленного, успокоенного, ждущего.

Внизу, на главной площади «Лона», уже собирались люди.

Их было немного – несколько сотен. Они стекались к широкой ледяной лестнице, ведущей туда, где находился Зал Ледяного Кристалла. Одеты все были одинаково – праздничные комбинезоны с вышитым на груди символов лона Криона, поверх – тонкие термонакидки с капюшонами. Цвета почти не было. Только белый, серый, синий – и редкие всполохи серебра.

– Красиво, да?

Арман обернулся. Рядом стояла Маруна.

Она была в таком же комбинезоне, как и он, но её нашивки – переплетённые колосья – говорила о касте биотехов. Русые волосы, обычно стянутые в строгий пучок, сегодня были распущены и падали на плечи мягкими волнами. В руках она сжимала небольшой свёрток – судя по форме, ледяную фигурку, тщательно укутанную в термоткань.

– Привет. Ты не в парке? – спросил Арман.

– Успею. – Маруна улыбнулась, но улыбка была рассеянной, глаза смотрели куда-то вдаль, сквозь бронестекло, сквозь ледяные стены, сквозь саму пещеру. – Сначала хочу в Зал. Попросить... ну, ты знаешь.

Арман кивнул. Он знал.

Маруна работала над новым штаммом водорослей – более калорийным, менее требовательным к свету. Три цикла экспериментов. Две неудачные мутации. Одна уничтоженная культура, которую она выращивала непозволительно долго. Ей нужна была удача.

– Он услышит, – сказал Арман. – Крион слышит.

Она посмотрела на него благодарно и, легко коснувшись его рукава, пошла к лестнице.

Арман остался у окна. Ещё несколько минут он смотрел, как люди в белом и синем входят в ледяной портал Зала, как гаснут за ними огни, как тишина становится всё глубже и глубже, пока не начинает звенеть в ушах.

Первый день Цикла. Земной год, разбитый на три идеальных, тотальных ритуала. Сто двадцать один день работы, ожидания, борьбы за выживание – и один день, когда всё останавливается. Когда десять тысяч человек одновременно поворачиваются лицом к стене и молят холодный камень о милости.

Арман отлепился от стекла и пошёл вниз.

Парк Ледяных Скульптур располагался на втором ярусе, в естественной полости размером с футбольное поле. Когда-то, в первые годы колонизации, здесь складировали оборудование. Потом, когда «Лоно» разрослось и оборудование перенесли глубже, полость осталась пустой. И кто-то – говорят, первая женщина-архитектор Криона, Элис Вонг, – пред-

ложила сделать здесь парк.

Лёд здесь был особым. Не тот, прозрачный и хрупкий, из которого строили стены и перекрытия. Другой – молочно-белый, плотный, с вкраплениями древней вулканической пыли, придававшей ему лёгкий, голубоватый отлив. Такой лёд не таял даже при плюсовой температуре. Его здесь резали не только лазером, но и вручную, специальными резцами с алмазным напылением. Дети любили этот парк. Взрослые – тоже, хотя редко признавались.

Арман вошёл под ледяные своды. Здесь царил полумрак – мягкий, сияющий, почти осязаемый. Свет не падал сверху, а исходил изнутри самих стен: тысячи микроскопических светодиодов были вплавлены в ледяные блоки, создавая иллюзию, что лёд светится сам по себе. Голубовато-белое сияние обволакивало, успокаивало, заставляло говорить шёпотом.

Вдоль стен, на специальных постаментах из криокора, стояли скульптуры. Их было много. Сотни. Маленькие, с ладонь, и огромные, в рост человека. Корабли – точные копии «Вибронавтики», с микроскопическими иллюминаторами и тонкими, как паутина, антеннами. Пещеры – причудливые ледяные гроты, повторяющие форму «Лона». Фигурки людей – капитана Эрика, доктора Чана, первых строителей, чьи имена стёрлись из памяти, но остались в этом застывшем льде.

Каждая скульптура была покрыта слоем криогеля. Тонкая, невидимая плёнка защищала лёд от испарения, от вре-

мени, от забвения. Можно было дотронуться – и почувствовать под пальцами не холод, а гладкое, почти теплое стекло.

Арман медленно шёл между рядами, касаясь скульптур кончиками пальцев. Вот корабль, вырезанный мальчиком три цикла назад – корпус чуть кривоват, сопла разные по размеру. Вот пещера, которую сделала девочка, – идеальные, плавные линии, словно она видела «Лоно» не изнутри, а снаружи, с высоты птичьего полёта.

В конце аллеи, у самой стены, сидел Кантор.

Старый инженер сидел на корточках перед небольшим постаментом, на котором стояла скульптура. Маленькая, размером с кулак, но удивительно детальная: ядерный реактор «Криона» в разрезе, с крошечными трубочками охлаждения и светящейся голубой точкой в сердцевине – урановым сердечником.

– Здравствуй, Арман. – сказал Кантор, не оборачиваясь. – Вырезал вот. Восемь циклов назад. Когда только начал тебя учить.

Арман подошёл ближе. В светящемся полумраке лицо Кантора казалось вырезанным из того же молочно-белого льда – морщины, глубокие тени под глазами, седая щетина.

– Хорошая работа, – тихо сказал Арман.

– Так себе, – Кантор усмехнулся, но без горечи. – Сопла не так наклонил. И сердечник должен быть красным, а я сделал голубой. Сын сказал – голубой красивее. Мне было плевать на цвет, я просто хотел, чтобы он запомнил, как это работает.

Он помолчал, провёл пальцем по гладкой поверхности криогеля.

– Он запомнил. И умер через два цикла. Лейкемия.

Арман молчал. Что тут скажешь?

Кантор выпрямился, тяжело опираясь на колено.

– Иди, мальчик. Твоя смена в Зале через час. Не опаздывай.

Он развернулся и, не оглядываясь, пошёл к выходу. Ссутуленная спина, седой затылок, руки, сжимающие край комбинезона.

Арман остался один в полумраке, среди тысяч ледяных скульптур, хранящих память о мёртвых и надежды живых.

Зал Ледяного Кристалла не был пещерой. Это был собор.

Арман стоял у входа, огромной ледяной арки высотой с пятиэтажный дом, и не мог сделать шаг внутрь. Он бывал здесь много раз – каждый Первый день Цикла. Но каждый раз это зрелище заставляло его врасплох, выбивало воздух из лёгких, заставляло сердце биться быстрее.

Диаметр зала – двести метров. Высота – триста. Эти цифры были у него в голове с уроков архитектуры, но они ничего не объясняли. Потому что двести метров – это просто расстояние от его жилого сектора до транспортного узла. А здесь, в Зале, эти двести метров были заполнены светом.

Он лился сверху. Там, под самым куполом, в толще векового льда, были вправлены десятки флуоресцентных панелей. Они не просто горели – они струились. Свет перетекал

с одной панели на другую, как вода, как жидкое стекло, как сама жизнь, замороженная в момент наивысшего напряжения. Голубой, белый, серебристый – и ни одного тёплого оттенка. Это был свет абсолютного, космического холода. Но он не пугал. Он очищал.

Арман шагнул внутрь.

Пол под ногами был не ледяным – криогелевым. Тонкий, прозрачный слой полимера, нанесённый прямо на древний лёд, делал поверхность тёплой, не скользкой, почти живой. Под ним, на глубине нескольких сантиметров, угадывались мерцающие точки – ещё одна сеть светодиодов, создающая иллюзию, что посетители идут по звёздному небу.

В центре зала, на массивном постаменте из чёрного, зеркально отполированного базальта, стояла «Вибронавтика».

Статуя. Или скорее – рукотворное чудо. Девять метров от носа до кормовых сопел. Идеальные, обтекаемые формы, вырезанные из цельного куска голубовато-белого льда, такого плотного, что он казался металлом. Сотни иллюминаторов – крошечных углублений, в каждом из которых горел микроскопический светодиод, создавая иллюзию, что корабль всё ещё обитаем, что внутри него теплятся жизни ста восьмидесяти пяти первопоселенцев.

Рядом с кораблём, чуть поодаль, возвышался Обелиск. Он не был вырезан – он вырос. Так, по крайней мере, гласила легенда. В первые годы колонизации, когда строители прорубали этот зал, они наткнулись на естественную ледяную

формацию – идеально ровный, вертикальный монолит высотой в семь метров. Кто-то предложил срезать его, освободить место. Но капитан Эрик, говорят, посмотрел на этот ледяной палец, уходящий в темноту, и сказал: «Оставьте. Это нам знак».

И они оставили. Теперь внутри монолита горел лазер. Не один – сотни лучей, переплетающихся, отражающихся от вплавленных в лёд микроскопических частиц металла, создавали внутри обелиска постоянно меняющийся, пульсирующий узор. Лазурное сияние струилось снизу вверх, угасало у самой вершины – и начиналось снова.

Сердце Криона, – произнес голос внутри. – Их два. Одно из металла и урана. Другое – из света и льда.

Он постелил коврик – тонкую термоизолирующую подстилку, которую принес с собой, – и сел в позу лотоса.

Вокруг него уже сидели люди. Сотни. Они заполняли зал ровными, концентрическими кругами, расходящимися от Обелиска, как волны от упавшего в воду камня. Белые комбинезоны, серебряные нашивки, склонённые головы. Никто не разговаривал. Даже дети – а их было много, самых маленьких, сидящих на коленях у родителей, – молчали, заврожённые переливами лазурного света.

Арман закрыл глаза. Он не молился. Не проговаривал про себя заученные фразы о духе планеты, о великом даре капитана Эрика. Эти слова были правильными, нужными, успокаивающими – как гул реактора, как ритмичный стук гид-

равлики.

Но сейчас, в этом сияющем полумраке, под пульсацию лазерных сердечников, он думал о другом.

Она не снилась ему уже три дня. Девушка с золотистыми волосами, с синими глазами, полными тоски, с губами, шепчущими «Найди меня, иди за мной». Она не приходила. Эфир, в котором он привык встречать её, был пуст.

Где ты?

Он почувствовал, как внутри что-то сжалось – остро, болезненно, как от удара током. Он не имел права скучать по ней. Она была сном. Фантомом. Галлюцинацией измотанного мозга, который из цикла в цикл подряд видел одно и то же лицо.

Но он скучал.

– Тепло моей жизни и холод твоей души неразрывно связаны, Крион.

Голоса. Тихое, многоголосое бормотание, нарастающее, как волна прибоя. Арман открыл глаза.

Люди вставали с ковриков и медленно, один за другим, подходили к Обелиску. Очередь двигалась бесшумно, без толкотни, без спешки – каждый знал своё место, своё время. Подойдя к сияющему монолиту, человек протягивал руку и прикасался ладонью к ледяной поверхности.

Шёпот.

– Тепло моей жизни и холод твоей души неразрывно связаны, Крион.

Арман встал, свернул коврик и встал в конец очереди. Перед ним была пожилая женщина с нашивкой архивариуса. Она слегка дрожала – не от холода, от волнения. Её морщинистая рука легла на лёд, и Арман слышал, как она шепчет:

– Дай сил нашему маленькому Виктору и его родителям. Не отбирай моего внука. Пусть он поправится. Пожалуйста.

За ней – подросток с нашивкой ученика технорабочего. Его голос срывался на фальцет:

– Я хочу попасть в Корпус ледорезов. Папа говорит, у меня не хватит терпения. Скажи ему, что хватит. Пожалуйста.

Потом – женщина средних лет, нашивка медика, опухшие, красные глаза:

– Спасибо, что забрал его быстро. Он не мучился. Я... я справлюсь.

Арман подошёл к Обелиску. Лёд под его пальцами был не холодным. Тёплым. Почти горячим – лазерные лучи, проходя сквозь толщу монолита, отдавали свою энергию поверхности. Арман чувствовал, как под ладонью пульсирует ритм – медленный, глубокий, как удар сердца спящего великана.

Он закрыл глаза. И не сказал ничего. Он просто стоял, прижав ладонь к тёплому льду, и позволил свету течь сквозь себя. Голубые, лазурные, белые волны омывали его лицо, руки, грудь. Он чувствовал себя прозрачным, пустым, открытым, как чистый лист в ожидании первого слова.

Где ты?

Свет не ответил. Но когда Арман убрал руку и отошёл на-

зад, на мгновение ему показалось, что в глубине ледяного монолита, среди переплетающихся лазерных лучей, мелькнуло что-то знакомое. Силуэт. Девушка. Рука, протянутая к нему.

Иди за мной.

Он моргнул – и видение исчезло.

Церемония длилась ещё два часа. Арман сидел на своём коврике, наблюдая, как люди подходят к Обелиску, шепчут свои молитвы, уходят. Свет медленно менял оттенки – от ярко-лазурного к глубокому, синему, почти чёрному. Это означало, что на поверхности Криона наступила условная ночь. Или, может быть, просто сменился цикл работы лазерной установки.

К концу церемонии зал опустел. Остались только самые стойкие – старики, не спешившие уходить, и несколько детей, уснувших на коленях у родителей.

Арман свернул коврик и направился к выходу. У самой арки его остановил тихий голос:

– Ты не попросил ничего?

Он обернулся. У стены, прислонившись спиной к ледяному выступу, стоял Управитель Кассиан.

Он был без трости. В простом, почти монашеском комбинезоне без нашивок, с капюшоном, откинутым на плечи. В полумраке Зала его лицо казалось моложе, мягче – или, может быть, это свет так играл.

– Я видел тебя, – сказал Кассиан, не повышая голоса. – Ты стоял у Обелиска дольше всех. И ушёл молча.

Арман промолчал.

– Нечего просить? – Кассиан склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на любопытство. – Или не у кого?

– Я не знаю, – ответил Арман. – Чего просить.

Кассиан кивнул, словно ожидал этого ответа.

– Это хорошо, – сказал он. – Те, кто точно знает, чего хотят, обычно просят неправильные вещи. И получают их.

Он оттолкнулся от стены и, слегка прихрамывая, пошёл к выходу. На пороге остановился, не оборачиваясь.

– С праздником тебя, Арман. Теплого Цикла.

– Теплого Цикла, Управитель – ответил Арман.

Кассиан ушёл, растворился в полумраке коридора. А Арман всё стоял у арки, глядя на светящийся Обелиск и на ледяную «Вибронавтику», застывшую в вечном полёте сквозь чужую, ледяную вечность.

Он вернулся в свою капсулу к полночи. Праздник продолжался – где-то в нижних ярусах гремела музыка, слышались пьяные крики ледорезов, отмечающих окончание молитвенной сессии. Но здесь, в жилом секторе, было тихо. Большинство соседей либо ещё не вернулись из Зала, либо уже спали, убаюканные ритмичным гулом вентиляции.

Арман разделся, повесил праздничный комбинезон в

шкаф, рядом с рабочим. Серебряная нить на нашивке тускло блеснула в темноте – корабль, входящий в ледяную пещеру. Мы помним. Мы чтим. Мы продолжаем.

Он лёг на койку, уставился в потолок. Глаза не закрывались.

Где ты?

Тишина. Только гул машин, только стук собственного сердца.

Почему ты перестала сниться? Ответа не было. Арман закрыл глаза и вскоре провалился в сон – глубокий, без сновидений.

Ему снился Крион. Не пещера, не реактор, не Зал Ледяного Кристалла. А сам Крион – тот, что снаружи. Бескрайняя белая равнина, уходящая к горизонту, где холодное, тусклое, чужое солнце висело низко, не желая ни встать, ни садиться. Ветер выл в пустоте, взметал снежную пыль, лепил из неё причудливые фигуры, тут же разрушал их и лепил заново.

И посреди этой бесконечной белизны стояла она. Та же девушка. Те же золотистые волосы, развеваемые ветром. Те же синие глаза, полные тоски. Те же губы, шевелящиеся в беззвучном крике.

Но теперь она не звала его. Она смотрела на него – и молчала.

Арман попытался сделать шаг к ней, но ноги увязли в снегу по колено. Ещё шаг – ещё глубже. Снег поднимался к груди, к горлу, забивал рот ледяной крошкой.

– Ева! – крикнул он. – Ева, я здесь!

Она смотрела на него. И в её глазах не было узнавания. Только пустота. Та же пустота, что и в ледяной равнине за её спиной. Та же, что и в молчании Обелиска. Та же, что и в его собственной груди, где что-то важное, тёплое, живое вдруг остановилось и замерло.

Найди меня, – прошептал ветер. – Найди меня, пока не стало слишком поздно.

Арман проснулся. Было утро. Первый день Цикла закончился. Начинался второй. Он сел на койке, провёл ладонью по мокрому от пота лицу.

Ева. Имя висело в воздухе, тяжёлое, как свинец. Он не знал, откуда оно взялось. Он не знал, кто она. Он не знал, почему она снится ему всю жизнь, почему зовёт, почему молчит, почему уходит.

Арман встал, подошёл к терминалу, вызвал график смен. Четвёртый контур. Теплообменник. Калибровка датчиков.

Обычная работа. Обычный день. Но что-то изменилось. Он больше не ждал снов. Он искал явь.

Глава «утрата»

Гул реактора заполнял всё пространство. Он не был громким – скорее глубоким, въевшимся в стены, в пол, в кости. Низкая, ровная вибрация, от которой не спрятаться, не убежать, не забыть. Сердце Криона билось – и это биение стало таким же естественным, как собственное дыхание.

Арман стоял у пульта, всматриваясь в показания четвёртого контура. Цифры были зелёными, стабильными, скучными. Именно такими, какими и должны быть цифры работающего реактора.

– Любуешься?

Голос Кантора прозвучал неожиданно близко – старый инженер подошёл бесшумно, как умел только он.

– Проверяю, – ответил Арман, не оборачиваясь.

– Разумеется. – Кантор хмыкнул. – Четвёртый контур в норме. Пятый – в норме. Температура в активной зоне – как у младенца пульс. Всё зелёное, мальчик. Можно выдохнуть.

Арман обернулся.

Кантор стоял, опираясь на трость – ту самую, с резным набалдашником, которую он вырезал из криокора лет десять назад. Лицо его, изрезанное морщинами, в тусклом свете пульта казалось высеченным из того же древнего льда, что и стены «Лона». Но глаза – живые, острые, насмешливые – смотрели на Армана с той особенной теплотой, которая по-

является у старых мастеров, когда они глядят на учеников, переросших учителя.

– Вы чего не спите? – спросил Арман. – Ваша смена вчера была. Вам нужно отдыхать.

– Надо бы, – согласился Кантор. – Но не хочется.

Он подошёл ближе, тяжело опираясь на трость. Сел на высокий табурет у пульта – тот самый, на котором, по легенде, сидел ещё инженер, когда запускал реактор впервые.

– Знаешь, Арман, – сказал он, – сегодня особенный день. Арман вопросительно поднял бровь.

– Сто пятьдесят циклов назад, – продолжил Кантор, – я впервые переступил порог этого зала. Не как инженер – как стажёр. Зелёный, глупый, ничего не понимающий мальчишка.

Он усмехнулся.

– Ты сейчас на меня смотришь и думаешь: «Старик, ты и тогда был стариком». А вот и нет. Я был моложе тебя. И глупее.

– Да перестаньте, – сказал Арман с легкой улыбкой.

– Зря не веришь. – Кантор откинулся на спинку табурета. – Мне точные науки в школе давались... хуже некуда. Физика – пытка. Математика – каторга. Хотел в ледорезы пойти. Там главное – сила, выносливость, а не эти интегралы.

Арман смотрел на него с искренним изумлением.

– Вы? Не понимали физику?

– Я, – подтвердил Кантор. – Представляешь? Человек, ко-

торый столько циклов проработал с реактором, в школе завалил экзамен по термодинамике.

Он помолчал.

– А потом учительница – старая, злая, я до сих пор помню её лицо – сказала мне: «Кантор, ты никогда не станешь инженером. Иди в грузчики или на добычу урана в шахты». И знаешь, что я сделал?

– Что?

– Пошёл и стал инженером. Из чистого упрямства. Из злости. Чтобы доказать ей, что она ошиблась.

Он рассмеялся – тихо, хрипло, но в этом смехе не было горечи.

– Я и доказывал всю жизнь. Сто пятьдесят циклов доказываю. Она давно умерла. А я всё доказываю.

Арман молчал, переваривая услышанное.

– А тебе легко давались точные науки? – спросил Кантор. Вопрос повис в воздухе. Арман открыл рот – и закрыл.

Он хотел ответить. Действительно хотел. Но ответа не было. Точнее, был – но какой-то странный, чужой, не его. В памяти всплывали обрывки: классная комната, доска, формулы... но всё это было смутным, размытым, как сон, который пытаешься вспомнить и не можешь.

Кантор смотрел на него. В его взгляде было что-то странное – не удивление, не тревога, а скорее... подтверждение.

– Ладно, – сказал он наконец. – Забудь.

Он слез с табурета, подошёл к маленькому шкафчику в

углу зала – тому самому, который Арман всегда считал хранилищем старых схем и записей. Открыл дверцу.

Внутри стояла бутылка. Мутное стекло, тёмная жидкость, никакой этикетки. Рядом – два маленьких стаканчика, тоже стеклянных, старых, с оббитыми краями.

– Что это? – спросил Арман.

– Настойка, – ответил Кантор. – Сам делал. Из того, что биотехи выращивают.

– Сейчас? На смене? – Арман не верил своим глазам.

– А что такого? – Кантор разлил жидкость по стаканчикам. – Реактор стабилен, показания зелёные, аварийных сигналов нет. Мы имеем право выпить за мои сто восемьдесят циклов.

Он протянул один стаканчик Арману.

– Давай. За мое сердце и его.... реактора. Чтобы пульс у нас был здоровым.

Арман взял стаканчик. Колебался секунду – потом махнул рукой и выпил. Жидкость обожгла горло. На вкус – травы, корни, что-то терпкое и незнакомое. Но тёплое. Живое.

Кантор выпил свой, крикнул, поставил стаканчик на пульт.

– Хорошо пошла, – сказал он. – Девять циклов настаивал. Дольше, чем некоторых инженеров учу.

Арман улыбнулся.

– Спасибо.

– Не за что. – Кантор убрал бутылку обратно в шкафчик.

– А теперь – пойдём.

– Куда?

– Наверх. В левый сектор линий передач. Ты вчера говорил, что блок трансформатора стоит проверить, показания снять. Те, что на центральный пульт не выведены.

Арман нахмурился.

– Сам схожу. Вам не стоит туда лезть, там высоко.

– Ничего, – Кантор уже шёл к выходу из зала, трость его ритмично постукивала по полу. – Мне полезно прогуляться. Засиделся в своём углу.

– Может все-таки я сам...

– Арман. – Кантор обернулся. В его глазах была та самая стальная уверенность, которая не терпела возражений. – Я ещё не настолько стар, чтобы не залезть на чёртову лестницу. Пошли.

Семь минут пешком по узким техническим коридорам, где стены были не гладкими, а ребристыми, покрытыми слоем векового инея. Здесь, в западном секторе, редко бывали люди. Только техники раз в цикл, для профилактики. И те – без особой охоты.

– Надо бы провода линии передач менять тут, – сказал Арман, осматриваясь коммуникации.

– Давно пора, – отозвался Кантор. – Надо будет Груберу сказать, чтобы...

Он запнулся.

– Груберу сейчас не до того, – тихо сказал Арман.

Кантор вздохнул.

– Знаю. Жаль мужика. Жену его помню – светлая была женщина. И Кантору она нравилась когда-то, но... не сложилось. А теперь вот и её нет, и его нет – пьёт, сам не свой ходит.

Они подошли к лестнице. Она уходила вверх – высоко. Ступени из криокора уходили в темноту, теряясь где-то под потолком технического отсека.

– Я первый, – сказал Кантор и начал подниматься.

Арман хотел возразить, но промолчал. Они лезли долго. Кантор дышал тяжело, но не останавливался. Трость он примотал к поясу ремнём – чтобы руки были свободны.

– Знаешь, Арман, – сказал он на середине подъёма, – я буду хлопотать, чтобы тебя избрали Администратором Капсты Хранителей Огня.

Арман замер.

– Что?

– На следующие десять циклов. – Кантор даже не обернулся. – Ты готов. Ты знаешь реактор лучше, чем я в твои годы. А я... я стар. Мне пора уходить.

– Вы не можете пока уйти, – сказал Арман.

– Могу. И уйду. – Кантор остановился, перевёл дух. – Иногда лекции в школе буду читать. Детям про реактор рассказывать. Чтобы знали, как работает сердце их дома.

Он посмотрел вверх.

– А ты – будешь здесь. Присмотришь за ним.

Арман молчал. В горле стоял ком.

– Я не знаю, справлюсь ли, – сказал он наконец.

– Справишься, – ответил Кантор. – Ты справляешься со всем, мальчик. Даже с тем, о чём сам не знаешь.

Он полез дальше. Датчики наверху оказались в порядке. Кантор проверил показания, записал в планшет, удовлетворённо кивнул.

– Всё зелёное. Можешь рапортовать начальству. Если бы у нас было начальство, кроме меня.

Арман улыбнулся.

– Пошли вниз, – сказал Кантор. – Засиделись мы тут.

Они начали спускаться. Первый пролёт прошли нормально. Кантор двигался осторожно, проверяя каждую ступень. Арман шёл за ним, готовый в любой момент подхватить.

А потом Кантор споткнулся. Нелепо, неожиданно, как спотыкаются только очень уставшие или очень старые люди – нога соскользнула с края ступени, тело качнулось вперёд, руки взметнулись в воздух, пытаясь ухватиться за пустоту.

– Кантор!

Арман рванулся вперёд, но было поздно. Тело старого инженера пролетело мимо него – вниз, в темноту. Один пролёт. Второй. Глухой удар. Тишина.

Арман не помнил, как спустился. Ноги двигались сами, руки хватались за ледяные перила, сердце колотилось где-то в горле. Он бежал, скользил, падал, поднимался – и снова бежал.

Кантор лежал на льду у подножия лестницы. Капли крови на криольду. Голова его была неестественно вывернута, под ней растекалось тёмное пятно. Глаза были открыты, но смотрели куда-то в потолок, сквозь него, туда, где не было ни реактора, ни «Лона», ни Криона.

– Нет, – прошептал Арман. – Нет, нет, нет...

Он упал на колени, прижал пальцы к шее Кантора. Тщетно. Он знал, что тщетно. Но должен был попробовать. Пульса не было.

– Помогите! – закричал Арман. Голос его сорвался, превратился в хрип. – Кто-нибудь! ПОМОГИТЕ!

Он рванулся к радиопону в стене. Нажал кнопку и закричал:

– Медиков! Срочно! Западный сектор, реакторный уровень, лестница! Доктор Кантор... Кантор упал!

Он схватил Кантора под мышки, потащил. Тело было тяжёлым, неудобным, безжизненным. Голова моталась из стороны в сторону.

Платформа пришла через вечность. Арман втащил Кантора на неё, нажал кнопку спуска. Вниз. В реакторный зал. Там было тепло. Там были люди. Там могла быть надежда.

Но надежды не было. Он знал это. Знал с той секунды, как услышал глухой удар тела о лёд.

Дежурный инженер реактора, Макс Грубер встретил их у входа в реакторный зал. Он увидел Армана, тащившего без-

жизненное тело, и лицо его побелело.

– Что случилось?! – заорал он, бросаясь к ним.

– Упал, – выдохнул Арман. – С лестницы. Мы были в левом секторе. Вызывай медиков, я уже вызвал, но...

Грубер уже щупал пульс, заглядывал в зрачки, делал то, что умеют делать инженеры, когда приходится становиться врачами.

– Сердце... – сказал он тихо. – Пульса нет.

Он поднял глаза на Армана.

– Что вас потащило туда? Зачем вы лазили наверх?

Арман молчал.

– Отвечай! – Грубер перешел на крик. – Зачем вы потащились на эту чёртову лестницу?!

– Я не... – Арман сглотнул. – Я не тащил. Он сам. Он сказал, что...

Он замолчал. Потому что не было слов. Не было объяснений. Не было ничего, кроме мёртвого тела старого инженера на полу реакторного зала и чёрных пятен крови на белом льду.

Грубер отшатнулся. Сел на пол прямо там, где стоял, уронил голову на руки.

– Кантор, – прошептал он.

Арман стоял, глядя на них двоих – живого и мёртвого. И думал о том, что всего полчаса назад они пили настойку за здоровье реактора. За сердце Криона. Сердце Криона билось. А сердце человека, который зажигал это сердце полве-

ка, – остановилось.

Медики прибежали через пять минут. Суетились, колдовали, пытались вернуть того, кого вернуть было невозможно.

Арман стоял в углу, прислонившись к стене, и смотрел. Он слышал обрывки фраз:

– Зрачки не реагируют...

– Пульса нет...

– Время смерти... предположительно...

Грубер сидел там же, на полу, и молчал. Водка из него выветрилась, осталась только пустота.

Арман подошёл к нему.

– Грубер.

Тот не ответил.

– Грубер, – повторил Арман. – Нам нужно... нам нужно работать. Реактор.

Грубер поднял на него глаза. Красные, опухшие, пустые.

– Какой реактор, – сказал он. – Кантора нет. Какой, к чёрту, реактор.

– Такой, – сказал Арман. – Он должен работать. Он учил нас, чтобы мы могли работать, даже когда его нет.

Грубер смотрел на него долго. Очень долго. Потом медленно кивнул.

– Ты прав, – сказал он. – Ты прав.

Он поднялся, пошатываясь. Посмотрел на тело Кантора, которое медики уже укладывали на носилки.

– Я скажу Управителю, – сказал он. – Ты... ты оставайся

здесь. Смотри за показаниями.

Он ушел.

Арман остался один в реакторном зале. Гул реактора заполнял всё пространство. Ровный, спокойный, вечный. Сердце Криона билось – как билось последние двести лет, как будет биться ещё столько же. Арман подошёл к пульту. Посмотрел на показания. Зелёные. Стабильные. Скучные. Точь-в-точь такие же, как были час назад, когда Кантор стоял рядом, опираясь на трость, и говорил о том, как плохо ему давались в школе точные науки.

Арман закрыл глаза. В ушах всё ещё звучал голос старого инженера:

«Ты справляешься со всем, мальчик. Даже с тем, о чём сам не знаешь».

– Я не справился, – прошептал Арман. – Я не успел. Простите.

Реактор гудел ровно.

К вечеру пришёл техник из административного сектора, принёс распоряжение: Кантора похоронят через два дня, в секторе «Вечный покой», с почестями, положенными Хранителю Огня.

Арман кивнул с комом в горле. Техник ушёл. Гул реактора заполнял всё пространство. Сердце Криона билось. А сердца людей, которые зажигали это сердце, останавливались одно за другим.

Арман стоял у пульта и смотрел на показания.

— Я справлюсь, — сказал он тихо. — Обещаю.

Сердце Криона не умело отвечать. Но ему показалось, что в этом гуле, в этой вечной, неизменной вибрации, есть что-то ещё. Что-то, чего раньше не было. Тишина человека, который ушёл, оставив после себя только ровный свет зелёных ламп и горький привкус травяной настойки на губах.

Глава «спасительная встреча»

Смена начиналась в восемь. Арман пришёл в реакторный зал за десять минут до начала – привычка, ввевшаяся за годы работы с Кантором. Старый инженер учил: «Лучше подождать реактор, чем реактор будет ждать тебя».

Но Кантора больше не было. Гул турбин заполнял пространство – ровный, тяжёлый, вечный. Сердце Криона билось, не замечая, что того, кто чинил его полвека, больше нет. Арман подошёл к пульту, пробежал взглядом по показаниям. Четвёртый контур – зелёный. Давление в активной зоне – стабильно. Температура теплоносителя – в норме.

Всё было обычно. Слишком обычно.

– Грубер? – позвал он, оглядывая зал.

Тишина. Только гул машин. Арман нахмурился. Грубер должен был передать смену. Это не обсуждалось. Даже если ты умираешь – ты находишь способ сказать сменщику, где и на что обратить внимание. Так учил Кантор. Так было всегда.

Он подошёл к радиофону, нажал вызов.

Раз. Два. Три.

– Грубер, ответь.

Четвёртый. Пятый.

На шестом в динамике что-то зашуршало, потом раздался голос – глухой, сдавленный, с характерной хрипотцой чело-

века, которого только что выдернули из тяжёлого сна. Или из ещё более тяжёлого забытья.

— Арман... — голос Грубера плыл, цеплялся за слова, как утопающий за соломинку. — Я... пока не могу. К чёрту реактор. Там нормально всё.

Арман сжал трубку. Внутри что-то ёкнуло — не гнев, нет. Что-то другое. Понимание? Бессилие?

— Ты нарушаешь все протоколы, Грубер. — сказал он ровно. — Послушай. Если ты уйдёшь в запой, легче не станет. Может, тебе поговорить с кем-нибудь? Я тебя понимаю, но наша работа...

— Делай свои обязанности, парень! — Грубер перебил его так резко, что динамик хрипнул. — А не учи меня. Когда потеряешь жену... и друга — тогда поговорим.

Щелчок. Связь прервалась.

Арман постоял секунду, глядя на замолчавший динамик. Жены у него не было. А друга... Друга он только что потерял. Кантор был не просто наставником. Он был тем, кто поверил в него, когда он сам в себя не верил. Кто таскал его по этим лестницам, учил чувствовать реактор не только приборами. Кто в последний раз, перед смертью, сказал: «Ты справишься, мальчик».

Справился ли?

Арман потрянул головой, отгоняя мысли. Работа. Надо работать.

Он подошёл к пульту, взгляделся в показания. Цифры бы-

ли зелёными, но что-то в них было не так. Не сразу, не явно – на уровне ощущения, которое Кантор называл «инженерным нутром».

Он прогнал диагностику. Потом ещё раз. И ещё.

Вот оно.

Утечка. Не в основном контуре, не в активной зоне – в одной из питающих сетей. Энергия утекала туда, куда не должна была. Процент, может, два от общей мощности – в масштабах Криона ощутимо.

Арман открыл схему. Линия шла куда-то на верхние уровни, в тот самый сектор, где они с Кантором лазили несколько дней назад. Там, где старый инженер оступился.

Та же лестница. То же место. Арман сглотнул. Сунул в сумку инструменты: магнитометры, ЭМИ-детектор, пару запасных плат, фонарь. Помедлил секунду, глядя на лифт-платформу. Потом решительно направился к лестнице.

Если утечка там, где он думает – надо лезть по стене, проверять каждый узел вручную.

Мимо проплывали уровни, ярусы, технические площадки. Где-то внизу остался реактор, его ровное дыхание. Где-то сверху ждала та самая лестница.

Арман остановился на полпути, перевёл дух. Посмотрел вниз. Чёрная бездна «Лона» уходила в сизую мглу, подсвеченную редкими огнями далёких уровней. Красиво. Страшно. Очень страшно.

Он полез дальше.

Вот она. Та самая площадка. Тот самый пролёт. Арман ступил на металлический настил и замер.

Здесь это случилось. Здесь Кантор поскользнулся. Здесь его тело пролетело мимо Армана – вниз, в темноту, в никуда.

Он тряхнул головой. Работа. Утечка была где-то здесь. Вереницы толстых кабелей, покрытых чёрным криогелем, тянулись вдоль стены, уходили вверх, вниз, в стороны. Артерии энергоснабжения их маленькой цивилизации. Где-то в этом сплетении таилась проблема.

Арман снял с плеча сумку, положил на ровную площадку. Достал ЭМИ-детектор, включил. Прибор загудел, замигал огоньками.

И в этот момент сумка дрогнула.

Он не успел среагировать. Приборы внутри, под тяжестью собственного веса, сместились, перераспределились, тяжёлый магнитометр перевесил. Сумка наклонилась, скользнула по краю площадки и упала.

Арман смотрел, как она летит вниз. Метр. Два. Потом – чудо – она упала за ледяной выступ метрах в двух с половиной ниже и замерла, покачиваясь в десяти сантиметрах от края.

А за краем – пустота. Метров сорок, а то и пятьдесят до следующего уровня. Арман выдохнул. Сердце колотилось где-то в горле. В сумке были бесценные приборы. Не заметить. Он посмотрел вниз, на сумку. Потом на лестницу. Потом на перила. Решения не было.

Арман аккуратно протиснулся между металлическими перилами и стеной. Нашупал ногой выступ. Ещё один. Ещё.

Сумка была рядом. Метр, может, полтора. Он потянулся.

И в этот момент металлическая перекладина, за которую он держался, – то ли оторвалась от крепления, то ли вообще никогда не была приварена как следует, – выскользнула из его руки.

Арман сорвался вниз. Секунда полёта – вечность. Сердце ушло в пятки. Мир кувыркнулся. И вдруг – резкая, обжигающая боль в пальцах. Он успел ухватиться за ледяной край выступа. За камень. За жизнь.

Он висел. Одна рука держала его над пропастью. Вторая – он даже не заметил когда – вцепилась в сумку. Он держал сумку. И висел. Арман попробовал подтянуться. Лёд был скользким. Пальцы немели. Стена – отвесная, гладкая, без единой зацепки. Над ним, в трёх метрах, спасительный настил. Там были перила, там была жизнь. Но туда не допрыгнуть. Не дотянуться. Не доползти.

Он замер, пытаясь унять дыхание. Сердце колотилось где-то в ушах. Мысли путались, натыкались друг на друга, рассыпались.

Рация! Рация осталась наверху.

– Чёрт... – выдохнул он.

Он закричал.

– Ау! Есть кто? Э-э-эй!

Эхо заметалось между стенами пещеры, умножилось,

ослабло и растаяло в гуле реактора. Никто не ответил. Арман закрыл глаза. Горечь подступила к горлу – солёная, тягучая, невыносимая. Глупо. Как же глупо. Спасал приборы – и угробил себя. Он висел на одной руке, сжимая в другой сумку, и понимал: выхода нет. Кричать бесполезно. Здесь никто не ходит. Слёзы выступили на глазах. Не от страха – от обиды. Вот так – из-за дурацкой сумки, из-за дурацкой перекладины, из-за дурацкой случайности. Он ещё раз крикнул. В отчаянии, в бессилии, в последней надежде.

– Ау! Помогите! Чёрт!

Ни души.

И вдруг – шаги. Сначала Арман подумал, что ему показалось. Гул реактора, скрежет льда, собственное дыхание – всё смешалось в один сплошной шум. Но нет. Шаги были. Чёткие, ритмичные, приближающиеся. Кто-то шёл по настилу. Арман поднял голову. Между металлическими перекладинами перил мелькнул силуэт. Не техник – в комбинезоне. Другой. Станный. Одет не так, как носят на Крионе – ткань другая, покрой чужой, будто из другой эпохи.

Силуэт приблизился, навис над ним. Арман увидел лицо. Молодой парень. Совсем молодой. Но взгляд... Взгляд был старше. Намного старше. На правой половине лица – татуировка. Стилизованные языки пламени, тянущиеся от скулы к виску, к брови, к волосам. Грубая, самодельная, но в ней чувствовалась сила. Парень посмотрел на Армана. На сумку. На ледяной выступ, за который тот держался дрожащей

рукой. Потом перевёл взгляд обратно на Армана и спросил совершенно будничным тоном:

– Развлекаешься здесь?

Арман не знал, смеяться ему или плакать. Выдохнул – и улыбнулся. Горько, обречённо, но улыбнулся.

– Ага. Сумка с инструментами упала. Пытался достать. Глупо вышло...

Парень улыбнулся в ответ – одной стороной лица, той, где не было татуировки. Улыбка была странной – насмешливой и тёплой одновременно.

– Тебе помочь, или сам справишься?

– Нужна помощь, – выдохнул Арман без капли стеснения.

– Ладно. Кидай сумку.

Парень припал к настилу, просунул руку между перекладами. Арман на мгновение замер, прикидывая траекторию. Потом, собрав остатки сил, подбросил сумку вверх.

Она взлетела тяжело, нехотя. Парень поймал её ловко, без лишних движений, поставил рядом с собой.

– Теперь прыгай сам.

Арман посмотрел вверх. Три метра. Почти три метра вертикальной стены. А над ним – худенький парень, который весит в два полтора раза меньше. Выдержит ли?

Выбора не было. Он собрался. На мгновение закрыл глаза. Потом, что было силы, оттолкнулся от выступа. Секунда полёта – вечность. Ветер в лицо. Рывок вверх. И вдруг – его ладонь встретилась с другой ладонью. Крепкая, сухая хват-

ка. Пальцы сомкнулись на запястье.

Парень дёрнул. Арман подтянулся, ухватился за спасительный металл настила, перевалился через край и рухнул на пол, тяжело дыша.

Он лежал, глядя в потолок, и не мог поверить. Лёгкие горели. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали.

– Ты как? – голос парня был спокойным, будто ничего особенного не случилось.

Арман повернул голову. Парень стоял рядом, опершись о перила, и смотрел на него с лёгкой, чуть насмешливой улыбкой.

– Жить буду, – выдохнул Арман.

Он сел, прислонился спиной к стене. Посмотрел на своего спасителя. Татуировка на лице горела в тусклом свете аварийных ламп. Огонь. Языки пламени. Дерзкий, смелый взгляд.

– Спасибо тебе, – сказал Арман. – Если бы не ты...

– Не за что. – Парень пожал плечами. – Спас тебя, чтобы ты спасал нас.

Арман нахмурился.

– Что?

Парень посмотрел на него в упор. Взгляд его был странным – взрослым, серьёзным, чуть усталым.

– Ты ведь Арман. Инженер реактора.

– Откуда ты...

– Просто знаю. – Парень усмехнулся.

– Кто ты?

Парень помолчал. Посмотрел куда-то вдаль, в едва освещённую огнями темноту пещеры. Там, в глубине, гудели машины, текла по трубам тёплая вода, жил своей жизнью Крион.

– Йоник.

Имя упало в тишину, как камень в воду. Йоник. Имя кольнуло – знакомое, как из старого сна. Из тех, где огонь не жжёт, а греет. Арман моргнул: откуда?

– Кто ты, Йоник? – переспросил Арман. – Откуда ты?

Парень снова улыбнулся – той же странной, односторонней улыбкой.

– Хранитель касты Огня. Спартанец подлёдного мира.

Арман смотрел на него. На эту татуировку. На этот взгляд. На эту уверенность, которая не покупается – вырастает изнутри. И чувствовал: этот парень ему нравится. Не как спаситель – как человек.

Йоник махнул рукой:

– Пойдём!

– Куда?

Он ничего не ответил. Только сделал приглашающий жест – рукой, мол, иди за мной, узнаешь. И пошёл вперёд по настилу, не оглядываясь.

Арман поднялся. Подхватил сумку. Ноги всё ещё дрожали, но внутри разгоралось странное, тёплое чувство. Он не знал, кто этот парень. Не знал, откуда он взялся. Не знал,

куда ведёт.

Но знал одно: сейчас он жив только благодаря ему. И он пошёл за ним.

Они шли молча. Неторопливо. Мимо проплывали тени, огни, звуки. Где-то внизу гудел реактор. Где-то вверху мерцали звёзды, которых никто никогда не видел. А рядом шагал парень с татуировкой огня на лице – спартанец, хранитель, спаситель.

Арман всё ещё не верил в своё спасение. Но верил в то, что этот день изменил что-то важное. Они шли в темноту. И в этой темноте зажигался свет.

Глава «пещера правды»

Они подошли к стене, где за слоем труб, плотных мотков кабелей линий электропередач и радиоканалов виднелась черная плотная ткань.

– Что это? Ты живешь здесь?

Йоник ничего не ответил. Он ловко отодвинул чёрную, промасленную завесу. За ней оказался не дверной проем – тяжелый люк, похожий на крышку сейфа, плотно врезанный в стену из ледяных блоков. Йоник припал к нему ухом, прислушался, потом быстро, без лишних движений, откинул массивную задвижку.

– За мной, – шепнул он и скользнул внутрь.

Арман, скрючившись, последовал за ним. Воздух внутри был неподвижным, спертым, пах озоном от старой проводки, пылью и... одиночеством.

Йоник включил тусклый свет – самодельную лампу, собранную из старых плат и светодиодов.

– Добро пожаловать в мой склеп, – беззлобно усмехнулся он, протискиваясь внутрь. – Не обращая внимания на обстановку. Спартамцам не важен комфорт.

Арман моргнул, прогоняя оцепенение.

– Спартамцы? – переспросил он, чувствуя, что это слово отзывается где-то внутри смутным, забытым эхом.

– Древние были такие, на Земле, – Йоник говорил об этом

буднично. – Воины. Жили жестко. Если трус – выкидывали со скалы. Если воин – терпел любую боль. – Он усмехнулся, проведя пальцем по собственноручно сделанной татуировке на лице. Языки огня рисунка были нанесены недавно. – У нас тут скал нет, только лёд. Но боль – она везде одинаковая.

Арман смотрел на этого парня и вдруг поймал себя на странном, щемящем чувстве. В этом взгляде, в этой манере говорить, в этом упрямстве было что-то невероятно знакомое. Что-то, что Арман смутно помнил в себе самом – до того, как очнулся в лазарете с пустой головой и чужим прошлым.

«Я был таким? – подумал он. – Таким же... безумным? Упрямым?»

– Нравится? – Йоник перехватил его взгляд на татуировке. – Могу и тебе набить.

Арман невольно улыбнулся. Улыбка вышла усталой, но теплой.

– Успеется, – сказал он. – Показывай, что хотел.

Жилье Йоника было пещерой. Другого слова не подобрать. Высота – чуть больше роста Армана, площадь – сравнима с его служебным туалетом. Слепая кишка в теле реакторных коммуникаций. Арман осмотрелся. Ледяной стол, ледяная табуретка, покрытые тёмным, пузырящимся криогелем. Полка-стеллаж, набитая книгами с рассыпающимися корешками и приборами, которым место в музее техники. Над трубами теплотрассы – настил из обрезков панелей, за-

валенный одеялами. Нора затравленного зверя, превращённая в лабораторию еретика.

Но взгляд Армана привлекло другое. В углу, на самодельном столике, стояло несколько устройств, явно собранных вручную. Одно напоминало примитивный радиоприемник, другое – частотный сканер с торчащими проводами. А рядом – старая, потрепанная книга в кожаном переплете.

– Видишь? – Йоник перехватил его взгляд. – Это я называю «связь с прошлым». Там, на Земле, людей, которые умели взламывать коды и пробираться туда, куда не пускают, называли хакерами. – Он произнес это слово с явным удовольствием. – Хакеры. Звучит, правда? Я хочу стать таким же. Взломать систему Кассиана. Залезть в его бастион и вытащить оттуда все, что он прячет.

– И что же он прячет? – тихо спросил Арман.

– Правду. И моего отца.

Йоник включил старый карбоновый отопитель. Спираль заалела, и волна сухого, скупого тепла ударила в лицо.

– Не сауна, но жить можно, – сказал Йоник, усаживаясь на табурет. – Сплю в трёх одеялах, пью много тёплого. Главное – не превышать три киловатт-часа в сутки. Больше – заметят.

– Сколько ты живешь здесь, Йоник?

– Восемь циклов почти, – ответил тот, и в голосе впервые мелькнула тень усталости. – Немногим менее трех лет по-земному. С тех пор как за отцом пришли.

– Почему это случилось?

Йоник посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом.

– Это был ПОЗОР. Параноидальное ОколоЗемное Острое Расстройство. Одна из немногих причин, почему Управитель и его прихвостни могут забрать ученого.

Воспоминание ударило Армана, как обухом по голове.

Ледяной парк. Крики. Двое в серой униформе тащили бордатога человека в разорванном лабораторном халате. Тот вопил: «Проверьте сами! Мы на Земле! Изотопный состав кислорода – идентичен! Вы не понимаете...». Его крик оборвался, когда ему заткнули рот тряпкой. Искривленное от ужаса лицо, на миг встретившееся с взглядом Армана. Потом – медленная поступь Управителя. «Это ПОЗОР. Мы им займемся. Вылечим, поставим на ноги».

Но не вылечили. С тех пор Арман не видел того человека.

– Это был твой отец? – спросил Арман тихо.

Йоник кивнул. Один раз. Коротко. По-мужски.

– Он был геологом. Изучал ледяные керны. Говорил, что изотопный состав кислорода в глубинных слоях точно совпадает с земным. До сотых долей процента. Он пытался доказать, что мы никогда не покидали Солнечную систему. Что Крион – это ложь.

– И его забрали.

– Да. А я... я спрятался. Ушел в коллекторы, потом сюда. И поклялся, что разбужу его. – Йоник посмотрел на Армана, и в его взгляде горел тот самый огонь, который Арман так хорошо знал по собственным ночным кошмарам. – Я знаю,

где он. В зале «Вечный покой». Капсула 23.

– Ты хочешь...

– Я сделаю это, – перебил Йоник. Голос его был спокоен, но в этом спокойствии чувствовалась сталь. – Не сейчас. Через год, может, через два. Я собираю информацию, изучаю графики смен охраны, ищу лазейки в системах. Я взломаю их, Арман. Я – пират Лона. Я проберусь в бастион Кассиана и вытащу оттуда отца. А потом – и остальных. Всех, кого он заморозил за правду.

Арман слушал и чувствовал, как внутри разворачивается странное, горькое тепло. Он смотрел на этого парня – с его самодельной татуировкой, его безумными планами, его спартанской готовностью терпеть боль и холод ради цели, – и узнавал себя. Того себя, которого не помнил. Того, кто, возможно, когда-то тоже был таким. Романтиком. Неутомимым. Полным юношеского максимализма. И уже столкнувшимся с суровой реальностью.

Был ли я таким до того, как потерял память? – подумал Арман. – Или это просто... отражение?

Он не знал. Но знал другое: этот парень ему нравится. Не жалостью – уважением.

– Смотри, – Йоник резко сменил тему. Он пододвинул к Арману прибор, похожий на старый армейский компас, но с цифровым экраном. – Вот это – компас. Магнитное поле мерит.

Арман взял прибор в руки. Цифры прыгали, успокаиваясь

на значении 52 микротесла.

– И что?

– А то, – Йоник подался вперед, его глаза горели. – Это точь-в-точь магнитное поле Земли. На полюсах – от 50 до 60 микротесла. Ты понимаешь? Не примерно, не похоже – а точно. Смотри.

Он резко повернулся на четверть круга. Стрелка на приборе дернулась и послушно указала туда же, куда показывала до этого.

– Видишь? – Йоник ткнул пальцем в дверь. – Там – магнитный север. А там, – он махнул в сторону своего лежака, – восток. Я проверял сотни раз.

Арман смотрел на прибор. И вдруг перестал дышать.

Не потому, что цифры что-то значили. А потому, что впервые за долгие годы его мозг, привыкший к стабильности и порядку, наткнулся на нечто, что невозможно было объяснить.

52 микротесла. Он знал эту цифру. Она была в учебниках. В справочниках. Магнитное поле Земли. 50-60 микротесла.

– Это... – голос его сорвался. Он попробовал снова: – Этого не может быть.

– Может, – тихо сказал Йоник. – Я проверял. Сто раз. Тысячу.

Арман поднял на него глаза. В них было не недоверие. Там было что-то другое. Что-то, чему нет названия на языке Криона.

– Это значит... – начал он и замолчал.

Потому что если продолжить эту фразу, рухнет всё. Йоник смотрел на него с тем странным, почти хирургическим спокойствием, с каким смотрят на человека, которому только что поставили смертельный диагноз.

– Это значит, Арман, что мы не на Крионе. Мы никогда не улетали с Земли. Мы в Антарктиде. Примерно 80 градусов южной широты, 120 восточной долготы. Глубина – метров двести. Станция «Гефест».

Тишина. Она была такой плотной, что Арман слышал, как кровь шумит в ушах. Как где-то далеко, сквозь лёд, пробивается гул вентиляции. Как тикает прибор на столе.

А потом мир поплыл. Не метафорически. Буквально.

Стены пещеры качнулись. Ледяной пол ушел из-под ног, хотя Арман сидел. Желудок сжался в ледяной ком, подкатил к горлу тошнотой. Воздух кончился – разом, будто кто-то выдернул пробку из легких.

Он попытался встать – и не смог. Тело отказало. Руки тряслись так, что он едва не выронил компас. Он вцепился в край стола мертвой хваткой, чувствуя под пальцами шершавый, холодный криогель, но это не помогало. Потому что опора была не там, где надо. Весь мир, вся его жизнь, каждая секунда его существования – всё это вдруг лишилось фундамента.

«Я не на Крионе.»

«Я никогда не был на Крионе.»

«Криона не существует.»

Мысли рвались, как гнилая ветошь. Они не складывались в связное «что это значит». Они просто кричали внутри черепной коробки, заглушая всё.

«Моя жизнь. Моя работа. Мои сны. Ева. Всё. Всё это – что? Ложь? Бред?»

– Арман.

Голос Йоника доносился откуда-то издалека, сквозь вату.

– Арман, дыши. Просто дыши.

Юноша сунул ему в руки кружку. Тёплую. Руки не слушались – вода плескалась через край, обжигая пальцы, но он даже не чувствовал боли.

Он смотрел на Йоника – на его татуировку, на его спокойные, почти взрослые глаза, – и не видел его. Он видел цифры. 52 микротесла. Маленькое число, которое только что разорвало его вселенную на клочки.

– Сколько... – голос был чужим, хриплым, не его. – Сколько ты это знаешь?

– Три года, – ответил Йоник. – Почти.

«Три года. Один. В этой норе. С этой правдой.»

– И ты... – Арман сглотнул, пытаясь прогнать ком в горле. – Ты не сошел с ума?

Йоник усмехнулся. Усмешка вышла горькой.

– Я был близко. Несколько раз. Но у меня была цель. Разбудить отца. Это держало.

Арман смотрел на него – и вдруг, сквозь пелену шока,

пробилось что-то еще. Узнавание. То самое, щемящее, которое он почувствовал, когда увидел татуировку. Этот парень – такой же, как он. Такой же упрямый, такой же безумный, такой же готовый идти до конца. Только у него есть память. Есть отец, которого можно разбудить. Есть цель.

А у Армана...

«У меня есть Ева, – подумал он вдруг. – Та, что снится. Та, что зовет. Если это правда – если мы на Земле – значит, она где-то здесь. Была. Или есть.»

Мысль пришла неожиданно, но она стала якорем. Первым якорем в этом рушащемся мире.

– Теплая вода, – сказал он вдруг, глядя на кружку в своих руках. – Откуда?

– Трубы, – ответил Йоник. – Я подключился к теплотрассе. Тихо, чтоб не спалиться.

Арман кивнул. Потом, с усилием, заставил себя сделать глоток.

Вода была безвкусной. Но тепло разлилось по груди, и это помогло. Чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы мозг снова заработал.

– Рассказывай всё, – сказал он. Голос всё ещё дрожал, но в нём появилась та самая сталь, которая когда-то помогла ему выжить после потери памяти. – С самого начала. И называй вещи своими именами. Забудь термин «ПОЗОР». Говори «правда».

Йоник улыбнулся. Впервые в его улыбке Арман увидел не

дикую решимость, а горькое, огромное облегчение.

– Спасибо, – сказал он. – Ты даже не представляешь, как я ждал, когда кто-нибудь скажет эти слова. Готов идти дальше?

– Да, – ответил Арман. – Рассказывай про Антарктиду. Рассказывай. Все.

Йоник кивнул и начал рассказ. Арман слушал – и чувствовал, как внутри, на месте рухнувшего мира, начинает прорасти что-то новое. Страшное. Болезненное. Но настоящее.

Правда. И впервые за долгие годы у него появилась цель, которую он выбрал сам. Не та, что дана при рождении. Не та, что навязана системой.

Узнать, кто он. Найти Еву. И понять, зачем судьба свела их – спартанца из ледяной норы, инженера без прошлого и женщину, которая снилась ему всю жизнь.

Йоник, закончив рассказ, посмотрел на него с тем же странным, оценивающим взглядом.

– Как ты? Справишься с этим? – спросил он имея ввиду открывшуюся бездну правды.

Арман посмотрел на свои руки. Они всё ещё дрожали. Но взгляд был ясным.

– Справлюсь, – сказал он. – Придется.

Глава «цена правды»

Арману было просто необходимо с кем-то это обсудить. Пусть отец будет первым. Первым, кому он сможет доверить страшную правду. Он созрел рассказать. Или... может, больше не мог продолжать скрывать то, что просилось из него, искало выхода.

Арман шел в мастерскую отца. Мастерскую где его отец, Леонид, работает со льдом, а его руки творят из бесформенной глыбы нечто совершенное. Мастерская находилась на стыке технического и жилого уровней – там, где лёд был особенно плотным, почти чёрным от вкраплений древней вулканической пыли. Здесь пахло озоном, лазерным резаком и чем-то ещё – тем особенным, домашним теплом, которое умеет создавать только отец.

Отец стоял у верстака, когда Арман вошёл. Леонид снял перчатки и бросил их на край стола, прежде чем обернуться. Руки его – Арман видел их тысячу раз, но каждый раз заново проживал этот щемящий укол – были покрыты сетью шрамов. Одни – тонкие, белые, от случайных порезов. Другие – грубые, рваные, память о молодости, когда он только учился укрощать лёд. А кожа на пальцах и костяшках – красная, воспалённая, въевшийся след от тысяч часов, проведённых на морозе.

Ледяной архитектор, – поприветствовал он. – Теплого

дня!

Отец мог собрать что угодно. Ледяная глыба, лазерный резак, канистра криогеля – и мир обретал форму. На века.

– Арман? – Леонид улыбнулся, и морщины собрались у глаз. – Здравствуй, сынок.

Он шагнул навстречу, обнял сына – крепко, по-мужски, с той особенной, скупой нежностью, которую позволяют себе люди, привыкшие к холоду. Хлопнул по спине, отстранился, оглядел.

– Ты чего такой? Случилось что?

– Пап... – Арман замялся, но слово уже просилось наружу. – Нам надо поговорить.

Леонид кивнул, оперся спиной о перила ограждения, скрестил руки на груди. Вся его поза говорила: «Я слушаю, сын. Рассказывай».

И Арман выпалил. Без подготовки, без предисловий, на одном дыхании:

– Мы не на Крионе, папа. Мы на Земле.

Леонид моргнул. Улыбка не исчезла с его лица, но стала другой – мягкой, чуть снисходительной. Той самой, какой смотрят на детей, когда те несут милую, совершенно невозможную чушь.

Видимо, придется поведать все. Он рассказывал. Быстро, горячо. Про магнитное поле, компас, остатки оборудования с перебитыми бирками, явно не «Крионского» происхождения, аргументы про сезонность температурных колебаний

гранита и льда в Лоне, про ускорение свободного падения, которое удивительным образом схоже с земным.

Он замолчал, переводя дух. Сердце колотилось где-то в горле. Он ждал ответа – любого: удивления, недоверия, спора, даже смеха.

Но ответа не было. Арман поднял глаза на отца.

Леонид стоял всё там же, у перил. Руки его, только что согревавшие кружку с чаем, теперь висели вдоль тела. Не расслабленно – как-то странно, неестественно прямо.

И лицо. Улыбка исчезла. Не сбегала, не стёрлась – исчезла, будто её никогда и не было. Глаза отца смотрели на Армана. Но это были уже не его глаза.

Это были глаза, в которых не осталось ничего человеческого. Они смотрели немигающе, с пустотой, от которой веяло такой древней, такой вселенской стужей, что Арман физически ощутил, как воздух вокруг стал плотнее, холоднее, мертвее. Бездна. Не метафорическая – настоящая. Та, что смотрит на тебя и не видит. Та, что не знает ни жалости, ни страха, ни любви.

«Такое не могло происходить! Так не бывает!»

Арман сделал шаг назад. Тело отца дёрнулось.

Не судорога – что-то другое. Будто внутри, под кожей, зашевелилось то, что не должно было там быть. Ткань криокостюма натянулась, затрещала по швам.

Первым, прорвав позади ткань, вырвался хвост. Чёрный, в чешуе, отвратительно подвижный. Длинный – метра два,

не меньше. Он выскользнул наружу с влажным, чавкающим звуком и замер в воздухе, словно принохиваясь, словно выбирая цель.

Арман отступил ещё на шаг. Ноги стали ватными.

Ботинки отца – те самые, старые, разношенные, которые Леонид носил последние десять циклов, – начали раздуваться изнутри. Подошва затрещала, разошлась, и наружу полезли когти. Не человеческие ногти – хищные, загнутые, чёрные, с тусклым металлическим отливом. Они коснулись криольда – и по полу пошёл скрежет, от которого у Армана свело зубы.

Руки. Руки отца, те самые руки, которые строили этот мир из льда, – они ломались. Пальцы выгибались в другую сторону, удлинялись, чернели, превращаясь в такие же когтистые, жуткие конечности. Кожа лопалась, обнажая не мясо – что-то иное, тёмное, текучее.

Голова. Арман смотрел, как лицо отца – родное, любимое, с морщинками у глаз, с вечно взлохмаченными седыми волосами – пошло трещинами. Не как кожа – как маска. Как оболочка. Она разошлась пополам, и изнутри, из этого разрыва, начало расти нечто.

Пасть. Огромная, вертикальная, полная нескольких рядов зубов – острых, частых, слегка подрагивающих в предвкушении. Они тихо скрежетали друг о друга – звук, от которого кровь стыла в жилах.

Существо, занявшее тело отца, посмотрело на Армана. Не

теми глазами, что были раньше – теперь их не было вовсе. Только эта пасть. Скрежет. Бездна, смотревшая прямо в душу.

Ужас был нечеловеческим. Не тем страхом, который знаком каждому живому существу. Это было что-то иное – первобытное, до-человеческое, когда разум отключается, оставляя только животный импульс: «беги». Но тело не слушалось. Холод сковал мышцы, лёгкие, самое сердце. Арман стоял, глядя на то, во что превратился отец, и не мог пошевелиться.

А потом – щелчок. Где-то внутри, в самой глубине существа, в той его части, что ещё не забыла, как бороться за жизнь, сработал древний, встроенный в ДНК инстинкт.

«Жить». Ноги рванули сами.

Арман бежал не помня себя. Ледяные коридоры проносились мимо – бесконечные, одинаковые, чужие. Лёгкие горели. Сердце колотилось где-то в горле. Он не смел обернуться – только вперёд, только прочь от этого скрежета, от этой бездны, от того, что когда-то было его отцом.

Где-то на повороте он врезался в техника. Тот отшатнулся, что-то крикнул вслед – и замер. Увидел глаза Армана. Все понял. Через мгновение техник, а точнее тот, кто скрывался под его телесной оболочкой, уже несся за ним.

Потом ещё один. И ещё. Арман наконец рискнул обернуться на бегу.

То, что он увидел, заставило его сердце пропустить удар.

Позади него, в глубине коридора, клубилось нечто. Силуэты – множество силуэтов. Сплошные пасти, хищные конечности – даже не руки, а хватательные придатки, щупальца, хвосты. Они двигались как одно целое, и их вой – леденящий, многоголосый, нечеловеческий – заполнял всё пространство.

Арман рванул из последних сил быстрее. Ноги уже не чувствовали пола – только ветер, и древний инстинкт, гнавший вперёд.

И вдруг – прямо перед ним, в нескольких метрах, вырос Кассиан. Управитель стоял посреди коридора. Один. Спокойный. Будто ничего не происходило.

Арман затормозил так резко, что едва не упал. Арман не видел этого, но чувствовал кожей: погоня остановилась. Те, кто гнались за ними, замерли где-то в темноте.

– Что... – выдохнул Арман, лёгкие горели огнём. – Что это...

Кассиан посмотрел на него. В его взгляде не было страха. Не было удивления. Было что-то... усталое? Обречённое? Арман не успел понять.

Потому что Кассиан преобразился. Это произошло быстрее, чем с отцом. Мгновение – и из верхней части тела, прямо из груди, без шеи, без перехода, выросла пасть. Такая же огромная, такая же зубастая, чёрная, с багровыми прожилками. Она раскрывалась.

Внутри Армана зазвучал голос. Металлический, ледяной,

мёртвый. Он не произносил слова – он их вкладывал прямо в сознание, минуя уши и разум, минуя всё человеческое.

«Арман... ты не знаешь и половины правды».

Пасть метнулась к нему. Чудовищная скорость – Арман даже не успел моргнуть. Челюсти сомкнулись вокруг него, перевернули вверх ногами. Зубы – острые, длинные, влажные – впились в тело, разрывая плоть, дробя кости. Боль была такой, что мир погас. Не чёрным – алым, рвущимся, невыносимым.

Он издал собственный глухой последний крик.

Возврат к реальности был молниеносным. Он открыл глаза и подскочил одновременно.

В груди колотилось сердце. Не просто быстро – бешено, как у загнанного зверя. Лёгкие хватали воздух рваными, судорожными глотками. Тело было мокрым от пота – комбинезон прилип к спине, к груди, к ногам.

Арман огляделся. Его Сектор. Стол. Стул. В углу – аккуратно сложенные комбинезоны. На столе – пустая кружка изпод вечернего чая.

Сектор дышал ровным гулом вентиляции. Температура – +16, как всегда.

Сон. Это был просто кошмар. Арман закрыл лицо руками. Ладони были мокрыми, дрожащими. Сердце всё ещё пыталось вырваться из груди. Он долго сидел так, восстанавливая дыхание. Минут десять. Может, больше. Время перестало существовать.

А в голове, как заноза, как осколок, застрявший глубоко в мозгу, звучал тот голос:

«Арман... ты не знаешь и половины правды».

Он не мог отделаться от этого ощущения. Сон был настолько реальным. Плотным. Правдивым в своей чудовищности.

Арман встал, налил воды. Руки всё ещё дрожали. Пил медленно, чувствуя, как холодная жидкость обжигает горло, возвращая к реальности.

Отец. Кассиан. Твари. Погоня.

Он вдруг понял, что кошмар показал ему нечто важное. Не про чудовищ – про границу. Про ту невидимую стену, которая отделяет тех, кто знает правду, от тех, кто её бережёт. Любой ценой.

Арман посмотрел на свои руки. Дрожь постепенно уходила.

– Папа, – прошептал он в пустоту. – Как мне теперь смотреть тебе в глаза?

Ответа не было. Только гул вентиляции и тихий скрежет где-то в глубине стен – может быть, лёд, может быть, трубы, может быть, что-то ещё.

Арман не знал, расскажет ли он отцу про этот сон. Не знал, сможет ли вообще смотреть на него, не вспоминая ту пасть, те зубы, ту бездну. Но одно он знал точно. Граница есть. И переступить её будет страшнее, чем он думал.

Глава «план действий»

Арман пришёл к отцу на работу в самое затишье между сменами. Мастерская Леонида пахла озоном, машинным маслом и вечным холодом, вытаскиваемым из ледяных кернов. Старый ледотехник, с руками, испещрёнными шрамами и прожилками от мороза, смотрел на сына поверх очков, когда тот, запинаясь, выложил ему всё: встречу с Йоником, компас, цифры магнитного поля, нестыковки в архитектуре, про Антарктиду.

Леонид слушал, не перебивая. Он не спросил «ты уверен?» и не сказал «этого не может быть». Он вытер руки ветошью, медленно, тщательно, давая себе время осмыслить каждый слой этого чудовищного открытия. Гордость всей его жизни, его умный, пытливый мальчик, докопался не до водяной жилы в толще льда, а до фундамента самого мира.

– Кто ещё знает? – спросил он наконец, и его голос, всегда такой твёрдый, звучал приглушённо.

– Кроме меня и Йоника – никто. Пока.

– А кому собираешься рассказать?

– Маруне и Шейку. Пока только им.

Леонид тихо повторил имена, как будто взвешивал их на невидимых весах. Он знал и Маруну, честную и тихую девушку с руками, пахнущими питательным субстратом, и Шейка – блестящего, хитрого сына хранителя Зала Ледяно-

го Кристалла, чья улыбка всегда казалась ему слишком отточенной.

– Если ты собираешься дальше кому-то рассказывать, Шейку, друзьям... тебе надо подстраховаться», – сказал Леонид, смотря прямо в глаза сыну.

– Как?

– Думай. Но если это дойдёт до Управителя... ты знаешь, они такие вещи очень не любят. То у тебя будут крупные неприятности. Ты же теперь инженер реактора. Они от тебя зависят, мы от тебя зависим, и Управитель, все. Подстрахуйся. Если вдруг ситуация выйдет из-под контроля, чтобы у тебя была возможность контролировать Управителя. Чтобы он понимал, что ты им необходим.

Арман смотрел на отца, и впервые за этот день в его смятении появилась точка опоры – холодная, расчётливая, инженерная логика. Не эмоции, не страх, а план. Отец не назвал его сумасшедшим. Он принял информацию как данность и сразу перешёл к стратегии выживания. Эта суровая прагматичность была сильнее любых слов поддержки. Они говорили. Долго.

После того, как они попрощались и Арман ушел, отец глядел в след замерев, а потом многозначительно протянул:

– Земля. Надо же...

Арман шёл по узкому техническому коридору, и каждый шаг отдавался гулом в висках. Не от боли – от напряжения.

Последние сутки перевернули всё. Он чуть не погиб, вися над пропастью. Его спас мальчишка с татуировкой огня на лице. И этот же мальчишка открыл ему правду, от которой рушился мир.

Коридор сужался, стены здесь были не гладкими, а ребристыми, покрытыми слоем векового инея. Трубы теплотрассы тянулись вдоль стен, пульсируя едва заметным теплом. Где-то вдалеке гудела вентиляция – ровно, монотонно, как дыхание спящего великана.

Арман остановился у чёрной, промасленной ткани, закрывающей проход. Прислушался. Из-за завесы доносились ритмичные звуки – не шаги, не разговор. Что-то другое. Глухое, размеренные выдохи и лёгкий свист рассекаемого воздуха.

Он отодвинул ткань. За ней, как и в прошлый раз, открылся тяжёлый люк, врезанный в ледяную стену. Арман приложил ухо к холодному металлу, прислушался. Звуки стали отчетливее.

Он постучал – условным стуком, который они с Йоником придумали ещё при первой встрече. Три коротких, пауза, два длинных.

Лязгнула задвижка. Люк приоткрылся, и в щели блеснул глаз – настороженный, но узнавший.

– Заходи, – шепнул Йоник. – Я скоро закончу.

Внутри было тепло. Старый карбоновый отопитель, который Арман заметил в прошлый раз, работал на полную,

и в пещерке стоял сухой, обволакивающий жар. Пахло озонном от старой проводки, пылью и ещё чем-то – можжевельником? Арман приняхался. Действительно, можжевельник. Где Йоник его достал – загадка.

Сам хозяин убежища стоял в центре, на небольшом свободном пространстве, которое он расчистил среди нагромождения книг, приборов и самодельных устройств. Поза у него была странной – широко расставленные ноги, чуть согнутые в коленях, корпус прямой, руки сжаты в кулаки. Он напоминал наездника, застывшего в седле перед прыжком.

Кулаки Йоника медленно, очень медленно прочерчивали в воздухе траектории. Движения были плавными, текучими, но в этой плавности чувствовалась скрытая мощь. Удар – невидимому противнику в солнечное сплетение. Блок – от такого же невидимого удара. Ещё удар – на этот раз раскрытой ладонью, словно отбрасывающий врага.

Йоник дышал ровно, глубоко, каждый выдох сопровождался тихим, шипящим звуком. На лбу выступила испарина, но лицо оставалось спокойным, сосредоточенным.

Арман присел на край ледяного выступа, служившего Йонику то ли стулом, то ли полкой для вещей. Молчал, не решаясь прервать.

Йоник сделал ещё несколько движений. Медленный, мощный толчок вперёд – будто раздвигающий пространство. Потом резкий выдох, расслабление плеч. Он пригнулся пару раз, разгоняя кровь, и только после этого повернулся к

гостью.

– Цигун, – сказал он, вытирая лоб краем майки. – Древняя китайская практика. Работа с энергией.

Арман поднял бровь.

– Ты и это знаешь?

– Меня отец учил, – усмехнулся Йоник. – Давно это было.

Он подошёл к самодельной печке, налил из закопчённого чайника в кружку тёплой воды, протянул Арману.

– Держи. У нас, спартанцев, закон гостеприимства.

Арман взял кружку, обхватил ладонями. Тепло разлилось по пальцам.

– Спартанцев, значит?

– А ты думал? – Йоник ткнул пальцем в татуировку на своём лице. – Огонь. Спартанцы втирали пепел в раны, чтобы стать воинами. У меня пепла нет, только угольная пыль. Но суть та же.

Он сел напротив, на такой же ледяной выступ, и посмотрел на Армана в упор.

– Ну, рассказывай. Я так понимаю, ты не просто в гости пришёл.

Арман сделал глоток. Вода была пресной, чуть тепловатой, но после напряжения последних часов казалась нектаром.

– Ты прав, – сказал он. – Не просто.

Он поставил кружку на пол, посмотрел Йонику прямо в глаза.

– Итак, что мы знаем.

Йоник кивнул, пододвигаясь ближе.

– Материалы, – начал Арман, загибая пальцы. – Многие материалы, из которых построен Крион, не выдержали бы четырёх веков. Криогель, изоляция, даже металл конструкций – у них есть срок службы. А наш реактор... ему явно не четыреста лет.

– Подтверждаю, – сказал Йоник. – Я копался в старых схемах, там даты производства. Максимум – двести пятьдесят лет назад. А по легенде мы здесь почти четыреста – два века полета и два века на Крионе.

– Дальше, – Арман загнул второй палец. – Магнитное поле. Те самые 52 микротесла. Вероятность случайного совпадения – ничтожна.

– Третий палец. Сезонные колебания. Температура льда, температура воздуха в пещере – всё совпадает с земными циклами. Я проверял по архивам. У нас цикл – сто двадцать один день. А потепления, которые мы называем «межцикловыми»... они случаются ровно через каждые три цикла. Триста шестьдесят три дня. Понимаешь?

– Земной год, – выдохнул Йоник. – Плюс-минус пара дней.

– Именно. Дальше – гравитация. Точь-в-точь земная.

– Состав льда, – продолжал Арман. – Изотопный анализ, который сделал твой отец. И состав горных пород. Всё указывает на Землю. Не на планету в другой звёздной системе,

а на нашу планету. На Антарктиду.

Он замолчал, давая словам впитаться. Тишина в пещерке стала гуще, плотнее. Только отопитель гудел ровно, да где-то в трубах журчала вода.

Йоник смотрел на него, и в его глазах горел тот самый огонь, который Арман видел при первой встрече. Огонь спартамца, готового к битве.

– Доказательств масса, – сказал он тихо. – Это очевидно.

– Очевидно нам, – поправил Арман. – Но не им.

Он сделал ещё глоток воды, собираясь с мыслями.

– Теперь главный вопрос, – сказал он. – Как нам действовать?

Йоник хмыкнул, откинулся назад, опираясь спиной на стену.

– Выйдем с транспарантами в жилые сектора? «Мы на Земле, люди, очнитесь!»?

Арман невольно улыбнулся. Даже в такой ситуации Йоник умудрялся шутить.

– Или захватим узел радиофона и будем оттуда вещать? – продолжил Йоник. – «Говорит свободный Крион! На самом деле мы в Антарктиде!»

– Нас арестуют через пять минут, – ответил Арман. – И закроют. Навсегда.

Он помолчал.

– Управитель и его свита – они стражи системы. Они стерегут эту ложь. И для них это не ложь, понимаешь? Для них

это – единственная истина. Непокколебимая. Священная.

– Знаю, – тихо сказал Йоник. – Моего отца они тоже считали... носителем лжи.

Они сидели молча. Каждый думал о своём. Арман – об отце, которому уже узнал правду. Йоник – об отце, замороженном в капсуле номер 23.

– Я так и не придумал за это время, что делать, – признался Йоник. – Скоро три года как прячусь здесь, собираю информацию... А как действовать – не знаю.

Арман смотрел на него. На этого мальчишку, который в одиночку, в ледяной норе, без чьей-либо помощи, годами готовился к битве с системой. Который рискнул всем, чтобы спасти его, Армана, от смерти.

– Я думал об этом, – сказал Арман медленно. – Вариантов у нас не много.

Йоник подался вперёд.

– Говори.

– Надо собрать группу. Тех, кому мы доверяем. Сплочённую. Преданную. Убедить их – не сразу, постепенно, но убедить.

– Дальше?

– А дальше... – Арман сделал паузу. – Дальше надо обратиться на поверхность. Через самый верхний уровень. Открыть шлюз. Выйти.

Йоник смотрел на него, и в его глазах разгоралось понимание.

– Ты хочешь...

– Да. Если мы выйдем и увидим Землю своими глазами – это будет доказательство. Неопровержимое. Никакой Управитель не сможет его опровергнуть.

Йоник молчал, переваривая. Потом его голос стал жёстче, взрослее:

– Ты понимаешь, что шанс будет только один?

Арман кивнул.

– Если что-то пойдёт не так, если кто-то сдаст, если Управитель узнает раньше времени – всё. Финиш. Нас заморозят, как моего отца.

– Знаю.

– И ты всё равно хочешь рискнуть?

Арман посмотрел ему прямо в глаза. Взгляд его был спокойным, твёрдым, как лёд, на котором они жили.

– У меня нет выбора, Йоник. Я не могу жить во лжи. Не после того, что узнал. И я хочу узнать, как так получилось и кто нас обрел на вечную жизнь подо льдами.

Йоник смотрел на него долго.

– Ладно. – Он усмехнулся, и в этой усмешке была та самая спартанская удадь, которую Арман уже успел полюбить.
– Значит, будем рисковать.

Он поднялся, прошёлся по пещерке, разминая затёкшие ноги.

– Кому ты хочешь рассказать?

Арман тоже встал. Подошёл к стене, где висела старая, по-

трёпанная карта «Лона», испещрённая пометками Йоника.

– Я уже начал с отца, – сказал он, не оборачиваясь. – Он знает. Я ему доверяю как себе. Он не подведёт.

– Кому еще?

– Маруна и Шейк.

Йоник нахмурился.

– Рискованный ход.

– Маруна – моя подруга. Она... она хорошая. Открытая, преданная. Я верю ей.

– А Шейк?

Арман помолчал.

– С ним сложнее. Они из верхних каст. Его отец – хранитель Зала Ледяного Кристалла. Они приближены к Управителю.

Йоник покачал головой.

– И ты хочешь рассказать ему правду? Человеку, который может в любой момент сдать тебя Кассиану?

Арман вздохнул. Он и сам задавал себе этот вопрос сотни раз за последние часы.

– У Шейка есть то, чего нет у нас, – сказал он. – Связи. Влияние. Если получится убедить его, мы численно вырастем. Может, даже не на десятки – на сотни людей. Его семья из верхних каст, к нему прислушиваются.

– А если не получится?

– Тогда мы будем знать, что он не с нами. И будем действовать соответственно.

Йоник скептически покачал головой.

– Очень рискованно.

– Я знаю. Но другого выхода нет. Нам нужны люди. Много людей. Чтобы открыть шлюз, чтобы организовать выход на поверхность... в одиночку мы не справимся.

Йоник молчал, обдумывая. Потом вдруг его лицо изменилось – стало собранным, деловым.

– Слушай, – сказал он. – Ты инженер реактора.

– Ну.

– Ты нужен «Лону» как никто. Без тебя система может рухнуть. Это наш хранитель.

– Отец мне сказал ровно то же самое. – усмехнулся Арман.

– Если что-то пойдёт не так, – продолжал Йоник, – если тебя схватят, у нас должен быть рычаг. Что-то, что заставит Управителя договариваться.

– Что ты предлагаешь?

– Надо заложить бомбу. Не настоящую, конечно. Но что-то, что даст нам контроль.

У Армана в голове медленно созрел план.

– Трансформаторная линия на Третьем уровне, – сказал он. – Щит G-7.

– Что с ним?

– Я могу его модифицировать. Сделать так, что при определённых условиях он создаст каскадный сбой во всём административном секторе. Там и Управитель, и весь командный состав.

Йоник присвистнул.

– Неплохо.

– Ага. – Арман уже говорил быстрее, входя в привычный режим инженера. – Нужно перепаять одну плату, заменить несколько реле. Если сделать это аккуратно, никто не заметит. Система будет работать как обычно... до определённого момента.

– До какого?

– До момента, когда ты активируешь сбой.

Йоник смотрел на него с восхищением.

– Ты гений.

– Я инженер, – поправил Арман.

Он подошёл к карте, ткнул пальцем в нужное место.

– Щит находится здесь. Это недалеко от твоего убежища, в техническом коридоре.

– Значит, делаем.

– Делаем. – Арман повернулся к нему. – Тогда слушай внимательно. Я сегодня пойду к Маруне и Шейку. Если всё пройдёт хорошо, мы начнём собирать группу, готовиться к выходу на поверхность. Если что-то пойдёт не так... если меня схватят...

Йоник кивнул.

– Ты будешь моим запасным планом. Заменишь плату, активируешь сбой. Это создаст хаос, отвлечёт их, даст нам время.

– Не дрейфь, – подбодрил Йоник. – Если тебя схватят, я

пойду за тобой.

Арман посмотрел на него. В этом мальчишке, с его са-
модельной татуировкой и спартанскими замашками, было
столько верности, столько отчаянной, юношеской преданно-
сти, что у Армана на мгновение перехватило горло.

– Спасибо, – сказал он просто.

– Не за что. – Йоник улыбнулся. – Спартанцы друг за друга
горой.

Он протянул руку. Арман пожал её – крепко, по-мужски.

– Тогда пошли, – сказал Арман. – К щиту. Ты должен
всё запомнить. Каждый шаг. Каждый контакт. От этого за-
висит... всё.

Глава «посвящение в тайну»

Встреча с друзьями состоялась вечером того же дня в пустынном холле среднего яруса, где белоснежные стены сливались с матовым потолком в безликую, стерильную бесконечность. Арман изложил всё так же последовательно, как отцу.

Реакции разделились мгновенно.

Маруна слушала, широко раскрыв глаза. Её лицо, обычно такое спокойное, отражало внутреннюю борьбу: слепая вера в Армана сталкивалась с ужасом перед масштабом его заявления. «Я... мне нужно время, – прошептала она. – Это слишком... огромно. Но я хочу тебе верить». В её словах не было слепого принятия, но было безоговорочное доверие к нему.

Шейк же замер, и в его глазах – обычно таких ясных, насмешливых – вспыхнул странный, быстрый, как электрическая дуга, блеск. Не страх, не изумление. Что-то иное – азарт? Расчёт? Он не спорил, не переспрашивал. Он лишь кивал, впитывая, и этот блеск не гас.

Договорились встретиться еще раз. С более детальным планом обсуждения. Завтра.

Поздним вечером, уже в своей капсуле, Арман почти задремал, когда дверь бесшумно отъехала в сторону.

Он не успел даже сесть. Грубая ладонь, пропахшая техническим маслом и потом, намертво зажала ему рот, сдавив челюсть. Другие руки с силой вывернули ему руки за спину, и холодный пластик наручников щёлкнул вокруг запястий. Всё заняло меньше пяти секунд.

Свет вспыхнул, и в проёме двери Арман увидел их. Трое крупных людей в серой униформе службы с нашивкой-ледяной глыбой. И между ними, опираясь на трость, – Управитель Кассиан. Его лицо в резком свете было похоже на высеченную из базальта маску: древнюю, непроницаемую и бесконечно усталую.

– Арман Урсул, – произнёс Кассиан тихим, ровным голосом, в котором не было ни гнева, ни торжества. – Ну вот мы и встретились.

Охранник снял ладонь с его рта. Арман, давясь собственным дыханием, выдохнул:

– На каком основании...

– На основании того, что ты, пользуясь доверием и доступом, сеешь панику и разносишь разрушительные идеи в головы жителей Криона, – ответил Кассиан, не повышая тона. Его слова звучали как заученный, неоспоримый приговор. – Всё, Арман. Довольно.

Арман попытался что-то сказать, протестовать, но Кассиан мягко, почти с сожалением, покачал головой.

– Отведите его. Место предварительного содержания. Без контактов.

Его вывели в холодный, гулкий коридор. Наручники впились в кожу. Последнее, что он увидел, прежде чем его грубо развернули и повели прочь, – это взгляд Кассиана. Не злорадный, не жестокий. Усталый. Так смотрят на дорогой, сложный механизм, который вышел из строя и который теперь придётся списать.

Маруна узнала об аресте от соседки по лабораторному сектору. Шёпотом, озираясь:

– Твоего инженера, Армана, ночью взяли. Служба. Говорят, за ересь.

Она не пошла домой. Она побежала к Леониду. Старик сидел в своей мастерской, но не работал. Он смотрел на разобранный узел ледобура, но взгляд его был пуст и устремлён куда-то сквозь металл и лёд. Он поднял голову, когда она, запыхавшись, замерла на пороге.

– Дядя Леонид... Это правда?

– Правда», – его голос был плоским, как лёд на старом керне.

Маруна шагнула внутрь, закрыв за собой дверь.

– Что теперь будет? Они же... они же не могут просто так! Он ничего не сделал! Он просто рассказал!

– Он рассказал то, чего рассказывать нельзя, – Леонид тяжело поднялся. – Он вступил на территорию, отмеченную красной чертой. И его сдали. Быстро.

– Сдали? Кто? – в её глазах вспыхнуло негодование. Ей и в

голову не приходило до сих пор, кто мог это сделать. Леонид лишь покачал головой.

– Это неважно сейчас. Важно другое. У Армана был план. На случай, если его возьмут. Но этот план... он связан с тем, о ком никто не знает. Кроме меня. И, возможно, тебя теперь. Маруна нахмурилась.

– Я ничего не знаю о каком-то плане. Он сказал только... о доказательствах. О магнитном поле. Ни о каком плане.

Леонид пристально посмотрел на неё, оценивая. Потом кивнул, словно удовлетворившись её ответом.

– Хорошо. Значит, он тебя пощадил. И правильно. Меньше знаешь – тем крепче спишь. Но теперь... теперь нужно действовать. Кассиан не станет ждать. Он выжмет из Армана всё, что можно. Имя каждого, кто слышал. И твоё имя тоже будет в этом списке.

– Что я могу сделать? – её голос дрогнул, но в нём не было страха. Была решимость.

– Тебя, скорее всего, вызовут. Как свидетельницу. Ты должна быть готова. Говори только то, что слышала. Не защищай его выводы. Защищай его честность. Скажи, что он был искренне убеждён в своих расчётах. Что он не бунтовщик, а... исследователь, заблудившийся в данных. Понимаешь разницу?

Маруна кивнула. Она понимала. Это была игра на поле Кассиана: не оспаривать его реальность, но отстаивать право Армана в ней сомневаться.

– А вы? Что будете делать вы? – спросила она.

Леонид отвернулся, подошёл к верстаку. Он взял в руки старый, заточённый бур, провёл пальцами по его граням.

– Я попытаюсь найти одного человека. Мальчика. Он... источник той информации. Если он ещё на свободе, если его не взяли вместе с Арманом... у него может быть шанс помочь. Я найду его.

– Это опасно? – спросила она шепотом.

– Всё сейчас опасно, Маруна, – Леонид вздохнул. – Иди. И будь осторожнее.

Камера предварительного содержания была крошечным кубом из полированного серого полимера. Без окон. Без чего бы то ни было, кроме прикованной к полу койки и люка в полу для нужд. Свет горел немигающей, раздражающей полосой под потолком.

Арман потерял счёт времени. Он пытался думать о Йонике. Девять утра. Придёт ли он к условленному месту? Справится ли он?

Дверь открылась без стука. Вошел не охранник, а Шейк. Он был бледен. Его обычно безупречный китель был расстёгнут, волосы – в беспорядке. В руках он сжимал стандартный термос с питательной смесью, поставил его у порога.

– Арман – голос его звучал хрипло, неестественно.

Арман не двинулся с места. Он смотрел на бывшего друга, и внутри не было ни ярости, ни даже боли. Только ледяная,

всепоглощающая пустота.

– Принёс обед? Заботливо.

– Ты должен понять... – Шейк сделал шаг вперёд, его глаза бегали по камере, избегая встречи со взглядом Армана. – То, что ты говорил... это было безумие! Опасное безумие! Моя семья... мой отец... мы всем обязаны Управителю! Я не мог молчать! Я должен был предупредить, чтобы тебе же помогли!

– Помогли? – Арман тихо усмехнулся. – Заковать и бросить в бетонный ящик – это помощь?

– Это изоляция! Чтобы ты не навредил себе и другим! – голос Шейка сорвался на визгливую ноту. – Они не будут тебя мучить, Арман! Тебе предложат... лечение. Отказ от этих идей. Публичное покаяние. И ты сможешь вернуться к работе! Всё может быть как прежде!

– Как прежде? После того как я уже знаю правду?» – Арман покачал головой. Или «лечение» – это такое красивое слово для камеры криосна?

Шейк замолчал. Он смотрел в пол, его пальцы судорожно мяти край кителя. Признание, которое он не озвучил, висело в воздухе гуще пара.

– Я не хотел, чтобы тебе было плохо, – пробормотал он наконец. – Я хотел спасти тебя от тебя самого.

– Уходи, Шейк, – сказал Арман устало. – Просто уходи. И заberi свою похлёбку. Я не голоден.

Шейк постоял ещё мгновение, его лицо искажала какая-то

внутренняя борьба – стыд, страх, самооправдание. Потом он резко развернулся и вышел, не оглянувшись. Дверь закрылась, оставив Армана вновь в гулкой тишине.

Он подошёл к термосу, тронул его носком ботинка. Пластик был тёплым. Искусственное тепло искусственной пищи в искусственном мире. Он отшвырнул его в угол. Глухой удар о стену прозвучал как выстрел.

Теперь он был совсем один. И время до девяти утра тянулось бесконечно.

Глава «вечный покой»

Их было двое: бородач Филипп с плоскими, ничего не выражающими глазами и лысый тип с гнилыми зубами – Ларс. Они не тащили Армана, а вели, как ведут скотину на убой, короткими, безжалостными тычками.

Они втолкнули его в зал и отступили к двери, заняв позиции охранников в музее безумия. Арман, едва удержавшись на ногах, бросил на них взгляд, полный чистой, животной ненависти. Филипп в ответ лишь почесал бороду. Ларс ухмыльнулся, обнажив почерневшие пеньки зубов.

Любопытство, холодное и постороннее, как у патологоанатома, заставило Армана обернуться.

Зал «Вечный покой». Огромное, цилиндрическое помещение, уходящее в темноту. В центре – массивная колонна с пучками кабелей и труб. От неё, как спицы колеса, расходились ряды криокапсул. Они стояли небрежно, под разными углами, будто их свалили сюда в спешке. Тусклый желтоватый свет аварийных ламп отражался в их полированных поверхностях, создавая ощущение, будто зал наполнен гигантскими, мёртвыми ртутными каплями.

Арман сделал шаг вперёд. Под ногами хрустнул лёд, намерзший на стыке плит. Холод был не просто физическим – он шёл от самого места, от этих металлических гробов.

Он подошёл к ближайшей капсуле. За матовым, но не

совсем непрозрачным стеклом угадывалось человеческое очертание, погружённое в мутную голубоватую жидкость. На маленькой табличке из криопластика, прикреплённой у изголовья, чьим-то аккуратным почерком было выведено цветным фломастером:

«ДЖОН ЛИТГОУ. 2431. ПОЗОР. СИМПТОМ: МНИМОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ МАГНИТНОГО ПОЛЯ ЗЕМЛИ»

Арман перевёл взгляд на следующую.

«СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ. 2432. ПОЗОР. СИМПТОМ: МНИМОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ РАДИОВОЛН С ЗЕМЛИ»

И ещё:

«ЙОКО ШИМОДА. 2439. ПОЗОР. СИМПТОМ: МНИМОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ БИОТЫ В ЛЕДОВЫХ СЛОЯХ ЗЕМЛИ»

Он шёл вдоль ряда, читая. Мнимое обнаружение гравитационных аномалий... сезонных циклов... изотопов кислорода... Каждая табличка – не просто диагноз. Это был приговор, вынесенный целой научной дисциплине. Геофизика, астрономия, климатология, палеонтология – всё, что могло привести к правде, было объявлено симптомом безумия и законсервировано во льду.

Тела за стеклом были покрыты криоагентом – кожа мертво-синяя, с восковым отливом, лица искажены не болью, а неестественным покоем. Некоторые казались удивлёнными, другие – уставшими. Все они были учёными. Лучшие умы, которые должны были строить будущее на Криво-

не. Вместо этого они стали экспонатами в музее подавленной памяти.

Капсул было много. Десятки три или четыре – заняты. Остальные, большинство, стояли с приоткрытыми, празднично сияющими крышками, электронные панели потухшими. Они ждали новых пациентов. Ждали его.

За его спиной раздался тихий, мерный скрип – звук шагов, слегка припадающих на одну ногу. Арман не обернулся. Он знал.

Управитель Кассиан остановился рядом с ним, слегка опираясь на трость с набалдашником в виде стилизованной ледяной глыбы. Он не смотрел на Армана. Его взгляд скользил по капсулам с тем же клиническим, почти отеческим вниманием, с каким врач обходит палаты тяжёлых больных.

– Арман, – сказал он мягко, почти с сожалением. – Твоя камера будет следующей. Видишь ту, с номером 41? Она готовится. Кριοагент свежий, системы диагностики проверены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.